Плач по холостом рекруте Ирины Федосовой

В избе много народу. Мать вопит:

Я чего да сижу, мать бедна-бессчастная,
Сирота теперь сижу да бесприютная,
И на брусовоей сижу да белой лавочке,
И под печальныим косевчатым окошечком,
И под туманноей стекольчатой околенкой?
Я сижу, бедна горюша, призадумавши,
И чужих ба́сенок, горюша, приослухавши!
Подивуют мне-ка до́бры эти людушки
И посрекаются спорядныи суседушки:
«И, знать, на радости сидит да на весельице,
И на великой, знать, Господней Божьей милости:
У ей вси вкупе сердечны, видно, детушки!»
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И што ведь при́брались народ да люди добрыи,
И не весельице у нас, да не забавушки,
И не тихии смиренныи беседушки,
И не честно́е у нас да пированьице!
Нонь как этыим учётным долгим го́дышком
И сочинилась грозна служба Государева,
И сволновался неприятель земли русской,
И присылать стали указы Государевы,
И собирать стали уда́лых добрых мо́лодцев
Как на сходку ведь теперь да на обчественну!
И тут писать стали уда́лых добрых мо́лодцев
Да на этот гербовой лист-бумаженьку,
И призывать стали судьи неправосудныи
И всё ко этыим ко жеребьям дубовыим!
Уж как этыи уда́лы добры мо́лодцы
И перед Го́спода глаза да ведь крестили,
И Богородице молитовку творили;
И оны брали жеребия́ да тут дубовыи:
И пойти надо тут во службу Государеву!
Как сегоднишним Господним Божьим де́нечком

И хоть не скованы да ре́звы у их ноженьки,
Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки бе́лы ру́ченьки,
И обрестованы указом Государевым!
Вот похаживат сердечно мое дитятко,
И он по доброму хоромному строеньицу,
И да он буйной то головушкой пока́чиват,
Он желтыма кудёркама потряхиват,
И молодецкима-то ручками помахиват,
И он на память то словечка спроговариват,
И говорит столько скачёная жемчужинка:
«Знать, судьба моя теперь да всё несчастная,
Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
Сустигае грозна служба Государева!
И на роду́, да видно, служба мне упи́сана,
И, видно на́ делу, бурлаку, доставалася!»
Тут он сма́хне свои белы эты рученьки
И на бурлацку молоде́цкую головушку
И на завивныи на желтые кудёрышка!
И не жалие молодецких ку́дер желтыих
И с горя рвет да свои желтыи кудёрышка!
Тут он сма́хнет молоде́цки белы рученьки
Он на этую на грудь да молодецкую,
И подожмет свое ретливое сердечушко:
«И не тоскуй да молодецкое сердечушко,
Не унывай да молодецкая утробушка».
И он пройдет да по хоромному строеньицу,
И он спрого́ворит единое словечушко
Всим приближним спорядовыим суседушкам,
Всим дружья́м да молодцам своим приятелям,
Всобину́ да душам красным скажет девушкам:
«Поглядите-тко, народ да люди добрыи,
И на печального бурла́ка на моло́дого!
И как хожу я по хоромному строеньицу,
И по светлоей хожу да я по све́тлице:
И я не пьян, да с горя, молодец, шатаюся,
Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоря́ется,
Без смолы моя утроба роскипляется,

Дума думушку бурлака пошибает,
И ум за разум у бурлака забегает!
Вы простите-тко, души́ да красны девушки!
Как што сдиется над до́брыим над мо́лодцем,
Как возьмут да в грозну службу Государеву,
И вы воспомните, души́ да красны девушки,
И спамяти́те-тко бурла́ка розмоло́дого,
Вы на этыих горах да на искатныих,
И вы на тихих на смиренныих беседушках!
Помолитесь-ко, старушки стародревнии,
Вы Пречистой Пресвятой да Богородице,
Штобы Господи Бладыко-Свет помиловал
Как от этой бы от службы Государевой
И возвратил бы на судиму Бог сторонушку
И рыболовушком на сине бы Онегушко,
И меня пахарем на чисто бы на полюшко,
И воскормителем желанным бы родителям!
И не тоскуй, моя родитель-родна́ матушка,
И ты не плачь, мое желанье, горючмы слезмы,
И ты не дай тоски к ретливому сердечушку,
И ты обидушки ко зяблоей утробушке!»
Я гляжу-смотрю, победная головушка,
И на печальное сердечно свое дитятко:
И как не белая березка нагибается,
И не шатучая осина расшумелася —
Добрый мо́лодец кручиной убивается!
Не дай Боже ведь того, да Боже Господи,
Росставаться со сердечныим со дитятком!
Ой, тошнехонько ретливому сердечушку!
Как детиная тоска — неугасимая,
И как жива эта разлука пуще мертвой!

Приезжают за рекрутами земские власти; мать вопит:

И прошел де́нечик теперь да не видаюца,
И красно солнышко ко западу двигается,
И ко крылечику судьи да подъезжают!
И тут подогнаны ступистыи лошадушки,
И не по разуму любимы хоть извощички,
И про сердечное рожёно мое дитятко.

И по фатерушки судьи́ да все похаживают,
И добра мо́лодца оны все понаряживают:
«И ты справляйся, молоде́ц, да поскорёшеньку,
И одевайся-тко, бурлак, да суровешенько,
И у крыльца стоят ступистыи лошадушки,
И отправляйся в путь-широкую дороженьку,
Ты ко славному ко городу Петровскому,
Ко принёмноей полате белокаменной.
И как у мо́его сердечного у дитятка
И подломились да тут ре́звы его ноженьки,
И подражали молодецки белы ру́ченьки,
И поблекло его белое тут личушко,
И приужахнулось бурлацкое сердечушко,
И красота с лича у светушка стерялася,
И с горя желтыи кудерки развеваются!
И хоть одет да он во цве́тное во платьице,
Хоть надеты ведь тулупы одинцовыи,
И не цветет да теперь цветно на нем платьице
И не краси́т да добра мо́лодца покрутушка,
Не согреват да кунья шубка соболиная!
Дайволюте-тко, народ да люди добрыи,
И смилосердуйтесь, судьи́ да милосердыи!
Вы возьмите золотой казны по надобью,
Вы увольте-тко на темну эту ноченьку,
Вы рожёное сердечно мое дитятко!
Я удумаю, победная головушка:
Схичу-спрячу я скачёную жемчужинку
Я от этыих властей немилосердыих,
Я от этыих судей неправосудныих!
Я запру да ведь во светлу его све́тлицу,
Я на эту на тесовую кроваточку
Положу да на пуховую перинушку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Призадвину я ситце́вы занавесочки!
И отвечать буду судья́м да я, обманывать:
«Приотправила сердечно мое дитятко!
Он ко городу уехал ко Петровскому,
И он не ждал да вас, властей ведь милосердыих,
Он казенного не ждал да все извощичка!»

И пороздумаюсь победным умом-разумом:
Нынь не скроешь-то сердечного ведь дитятка!
Времена теперь пошли да всё бедовыи,
Хитроумны стали власти страховитыи!
И дайволюте-тко, судьи́ вы правосудныи,
Уж как мо́ему сердечному то дитятку,
И с горя систь ему на саночки дубовыи,
И попроехать на ступистоей лошадушке,
И прокатиться по селу да деревенскому,
И по прогулушке по ши́рокой по у́личке
И со малыма ему да поровечникам!
Как споют оны солдатску ему писенку
И воспотешат-то уда́ла до́бра молодца,
И взвеселят его унылую утробушку!
Ой же ты, мое сердечно мило дитятко!
И укатись, да мое красное ты на́ золоте,
И укатись да от родимой нонь от родинки,
И далеко да на чужую на сторонушку,
И ты на эты на урёчныи неделюшки!
И в города да удались ты незнакомыи,
И ты за крепости уйди новогородскии!
И не знали бы судьи неправосудныи,
И не дове́дались бы власти страховитыи!
И тоей по́рушкой теперь да тыим времечком
И принаполнятся наборы Государевы,
И ты останешься сердечно мое дитятко
И во сво́ей да молодецкой вольной волюшке!
И пораздумаюсь победным своим разумом:
Никуда нынь не удёшь да не упрячешься.
Времена теперь пошли да всё бедовыи,
Хитроумны стали власти скрозекозныи!

Вопленица причитает от имени рекрута:

И как у нашего хоромного строеньица,
Как у этого крылечика перёного,
Как у этого столба да у точёного
Есть подогнаны ступистыи лошадушки,
И под меня да под бессчастна добра мо́лодца!

И все извощички — крестьяна полномочныи,
И челом бьют да мне-ка судьи, покланяются,
И со мной диют оны до́брое здоровьице.
И как до сегоднишна учётна долга го́дышка,
И в моем поросту да было, в возрастаньице,
И не знали меня до́бры эты людушки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не были-то челом, низко не кланялись!
И столько знать да стали до́бры эты людушки,
И примечать стали судьи́ да правосудныи,
И как брать надо во службу Государеву!
И охти мни, да добру мо́лодцу, тошнёшенько!
И дайволюте-тко, судьи вы правосудныи,
И сноровите-тко вы, власти милосердыи,
И мне пройти да по хоромному строеньицу,
И по двору пройти, бурлаку, колесистому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мни проститься со хоромныим строеньицем,
И во двори да со любимоей скотинушкой,
И во конюшеньке проститься с конем до́брыим!

Мать к молодцам-товарищам и сверстникам рекрута:

И вы послушайте, удалы добры молодцы,
И уж вы милыи любимы поровечники!
И да вы спойте хоть унылу ему писенку,
И взвеселите вы скачёную жемчужинку!
И ты пройди, да ведь уда́лой доброй молодец,
И по прогулушке по ши́рокой по уличке,
И ты меняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою на доброумьице!
И да мы по́глядим, печальныи головушки,
И как ведут да дружьё-братьица, приятели
И как тобя, нашу скачёную жемчужинку,
И под бессчастны молодецки белы рученьки,
И воспевают-то солдатску жалку писенку
И уласкают-то скачёную жемчужинку!
И с деревенскиим селом, да свет, прощается
И сговорит наша скачёная жумчужинка:

«И ты прости, прости село да деревенское,
И прости уличка бурлакушка рядовая,
И вси суседушки простите спорядовыи,
И вы простите, вси старушки стародревнии,
Меня, ма́лыи бладенцы-недоросточки,
И да вы, вдовушки, простите-тко, победныи,
И меня, горькии бессчастны вы сироточки:
И как ходил я по прогульной этой у́личке
Я не впервое прошел, бурлак, — последнее,
И проторил да эту малую тропиночку
Я до матушки теперь да до сырой земли!
И от меня да от доро́дня добра мо́лодца,
И от злодейской от великой от кручинушки,
И мать-сыра земля теперечко шатается,
И от горючих слёз следочки заплываются!»

Рекрута едут кататься по деревне; мать вопит:

И пойду-выйду я на ши́року на у́личку,
И погляжу да на сердечно свое дитятко:
Как он и́де[1] по прогульной этой уличке,
И на ступистоей удалой на лошадушке,
И он на саночках, мой свет, да самокатныих,
И как подвязаны звон-унылы колокольчики!
И спотеша́т себя сердечно мое дитятко,
И взвеселят да молодецкую утробушку!
И вы глядите-тко, народ да люди добрыи,
Вы, приближни спорядовыи суседушки,
И вы смотрите-тко, ведь род-племя любимое,
Вы, добротушки-желанны родны тётушки,
И вы, отданныи сестрицы сдвуродимыи,
Вы на милую скачёную жемчужинку!
И хоть гулят столько скачёная жемчужинка,
И он не с радости, наш свет, да не с весельица,
И со злодийноей великой со кручинушки,
И с проклятоей теперь да со досадушки
И по пути, да по широ́кой по дороженьке
И добрый конь нонь-ко идет да спотыкается,
И лошадина голова да принаклонена;

Как на санках добрый мо́лодец шатается!
И не вёшный этот ручей разливается,
И бедный молодец слезами умывается!
Он снимает-то с головушки тут шапочку,
И на все на три-четыре на сторонки поклоняется,
И со любимой своей родинкой прощается,
И с го́ря молвит-то, наш свет, да таково слово:
«И ты прости, прости, село да деревенское!
И ты, усадьба-то, прости, да красовитая!
И вы, деревенки, простите, садовитыи!
И вы простите, темны лесушки дремучии,
И вси сахарнии садовы деревиночки!
И вы простите-тко, луга да сенокосныи,
И добра мо́лодца, поля да хлебородныи!
И сине славное, прости, да ты, Онегушко,
И ты, родимая, прости меня, сторонушка!
И прости, волость-то, меня, да красовитая,
И ты, сторонушка, прости меня, гульливая,
И ты гульливая сторонка, щегольливая!
И ты прости, да молодецки вольна волюшка!
И ты прости, да Божья церковь посвященная
И Пресвятая мать, прости, да Богородица!»

С гулянья заезжают в церковь; мать вопит:

И говорит еще скачёная жемчужинка:
«И теперь съезжу в Божью церковь посвященную,
И попрошу да я попа-отца духовного,
И воспокаюся служителю церковному,
И помолюсь да я Богу от желаньица,
И прослужу да я молебен Богородице,
И я поставлю ей свещи да воску ярова,
И положу-то пелены да ей шелко́выи!
И помолюсь да со слезами со горючими
Уж я этому Бладыке все небесному:
И сохранил бы меня Господи, помиловал,
И от принёмноей палаты белокаменной,
И как от этой бы от службы Государевой!
И ты спаси, да Пресвята мать Богородица,

Ты от этыих властей немилосердыих,
Ты от этыих судей да все безбожныих!
И вы простите-тко, попы-отцы духовныи,
И благодетели-служители церковныи!
И на духовныих молитвах вспомяните-тко
Вы меня да всё уда́ла добра мо́лодца!
И буде во́зращусь на родимую сторонушку,
Я со этого со города Петровского,
Россчитаюсь я за ваше утруженьице
И за молитовки-то ваши ведь церковныи!
Уж я сдаю вам духовно угощеньице!»

По приезде из церкви родные зовут рекрута в гости. Провожая, в дверях мать вопит:

Я гляжу-смотрю, кокоша горегорькая,
И на сердечное гляжу да я на дитятко,
И как идё да он по ши́рокой по уличке,
И во любимое идё да во гостибище
И ко добротушке к желанной идё тётушке!

Тетка, встречая, вопит:

Я повыду-то, печальная головушка,
Я на это на крылечико перёное,
Да я стричю-то любимо свое племнятко
И подхвачу его под праву белу рученьку,
Я прижму да ко ретливому сердечушку!
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Я на эта златокрыла ясна сокола:
И хоть с дружьём идё, мой свет, да со приятелям
И с холостьбой идё, желанье, неженатой,
И он не князем-то идё ко мне моло́дыим
И он не славным женихом да наряженными!
И хоть не первое идё, мо́же, последнее,
И со злодийноей идё да со кручинушкой,
Он ко мни да во любимое гостибище!
И ты поди, мое сердечно мило племнятко,

И ты по-прежнему поди, да по-досюльному,
И как ходил да ты к печальноей головушке,
И ты во радости ходил да во весельице!
Как про тебя, мое сердечно мило племнятко,
Нонь дубовыи столы да порасставлены,
И тонки белы скатерти́ да поразостланы,
И са́харни тебе е́ствы приналажены,
И с Новагорода питья тебе доставаны!
И ты пройди, мое любимо мило племнятко,
Ты в мое пройди хоромное строеньице,
Ты во светлую пройди да мою све́тлицу,
И ты роздень да молодецко цветно платьице!
И положу да я на стопочку точёную,
И посажу тебя на стул да на кленовой,
И угощу я тебя, дитятко, учёстую!
И ты садись, да наш сдовольной белой све́тушко,
И ты гости́, гости́, любимо мое племнятко,
Пока во́ своей бурлацкой вольной волюшке!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на сердечного любимого племянничка:
И уж он ествушек, горюн, не искуша́ет,
И медвяного питья не испи́вает!
Он горючима слезама обливается,
Он великоей кручиной утирается!
Жаль тошнёшенько победныим головушкам,
Нам сердечного любимого племянничка!
И день ко вечеру теперь да коротается,
И красно солнышко ко западу двига́ется,
И наше дитятко с суседами прощается,
И во слезливу путь-дорожку отправляется.
И не начаемся, печальны мы головушки,
И увидать нашу скачёную жемчужинку!
И ты послушай же, любимо мое племнятко
Как што сдается, скачёная жемчужинка,
Как соймут да молодецку вольну волюшку,
Как приведут да во полату белокаменну,
И поразденут у вас цветно это платьицо,
И вас поставят-то под меру Государеву,
Как под эту под линеечку дубовую,

И у тебя, наша скачёная жемчужинка,
И тут подломятся бурлацки резвы ноженьки,
И подрожат да молоде́цки белы рученьки,
И приужа́хнется ретливое сердечушко,
И помутятся молодецки ясны о́чушки!
И тут повыстанут судьи́ неправосудныи
Со этыих со стульицев кленовыих,
Оны на́ свои на резвыи на ноженьки,
Как от этыих столов да от дубовыих!
В белокаменной полатушке похаживают,
И козловы сапоги у их поскрипывают,
И оны в то́чь глядят во ясны вам во очушки,
И по головушке начальники подрачивают:
«И всим здоров да молоде́ц-то этот бравой!»
И столько слушайте, народ да люди добрыи!
И не радили бы победны мы головушки
И отпустить нашу скачёную жемчужинку,
И во злодийную полату во принёмную!
И буде Господи Бладыко не помилует
И как во этой во полате белокаменной,
И буде «лоб» скричат жанда́ры Государевы,
И тут подхватя вершала́ да все моло́дыи
Как тобя, нашу скачёную жемчужинку,
И поса́дя как на стульица кленовыи;
И во руки́ оны берут да бритвы вострыи,
И оны брить да будут желтыи кудёрышка!
И у тебя да у скачёной у жемчужинки,
И волоса падут, наш свет, да на дубовой пол!
И тут ты сдынешь свои белы эты рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И горьки слезушки с очей да проливаются:
«И куды волюшка моя да подевалася,
И молодецкие кудёрка истерялися?»
И прибери свои завивны кудри желтыи,
Ты со этого полу́ да со дубового,
И ты клади да во гербовой лист-бумаженьку,
И отошли да на родиму свою родинку,
На погляженьице желанныим родителям,
И на утехушку нам сро́дчам-милым сродничкам!

И не поставь в гнев, скачёная жемчужинка,
И хоть я у́ныло, горюша, причитала,
И во слезах тобе, победна, россказала
Про злодийную палату белокаменну!
И ты гости́, да тепло-красное наше солнышко,
И пока на́ своей родимой ты сторонушке,
И ты по этому селу да деревенскому,
Ты по милым спорядовыим суседушкам!
Как тебя, да тёпло-красно наше солнышко,
Сожалеют вси спорядныи суседушки!

Причитывающая за рекрута, обращаясь к его по́дружью:

И спасет Бог да вам, дружьё-братьё, приятели,
И што спевали вы унылы жа́лки писенки,
И воспотешили уда́ла добра мо́лодца,
И молодецку мою зяблую утробушку!
И нынь сердечушко мое не утешается,
И молодецкая головушка кручинится;
И поскореньку наб бурлаку распроститися,
И мне-ка со́ своей родимой со сторонушкой,
И суровёшенько мни наб да отправлятися
И во злодийну эту службу Государеву.
И жаль тошнёшенько уда́лу добру мо́лодцу,
И порасстаться со родимой мне-ка родинкой,
И мне с дружьём-братьём теперичко с приятелям.

Проводы, угощены, и прощанье:

Поглядите-тко, народ да люди добрыи,
И вси приближни спорядовыи суседушки!
И как во этом во поче́стном во большом углу
Уже вси вкупе уда́лы добры мо́лодцы,
Вси сидят тут рекрута́ да очередныи!
И не уяданьице им еествушка сахарнии,
И не всласть да им сла́дка ноньку водочка!
За столом да их головки принаклонены,
И о сыру землю их очюшки утуплены!

И тут великоей обидой забавляются,
И оны горькима слезами обливаются!
И говорят да им тут власти поставленыи:
«И с родом с племенем, бурлакушки, прощайтесь-ко,
И в путь-дороженьку, рекру́ты, отправляйтесь-ко!»
И ответ держат им рекрутика молодыи:
«Дайволюйте-тко, судьи́ вы милосердыи!
И хоть едино́й час вы дайте-тко, минуточку
Нам потешить своего сердче молодецкое!»
И, знать, пришла да ведь пора да тое времечко
Из-за стола пойти бурлакушкам моло́дыим,
И от кушаньев пойти да от сахарныих,
И от питьицев пойти да от медвяныих!
И нынь доли́т да их великая кручинушка,
И ушибат да их великая тоскичушка!
И оны крест кладут, бурлаки, по-писа́ному,
И перед Господом ведь славу сотворяют.
И затопляли тут свещи да воску ярова,
И на бурлацкии колена становилися,
И сговорят да тут рекрутика молодыи:
«Уж ты Спас да наш Бладыко многомилосливой!
И ты спаси да нас, бессчастных добрых мо́лодцев
И ты от этоей от меры Государевой!
И ты Покров-Мать-Пресвятая Богородица!
И ты покрой да нас рекрутиков моло́дыих
И от злодейской ты от службы Государевой!»
И тут повыстали на ре́звы оны ноженки,
И приклонили свою буйную головушку
И со бладой вышины да до сырой земли;
И на все на три-четыре на сторонушки
Всим окольныим суседам поклоня́лися,
И всобину́ поклон желанным родителям
И во пристаршии да держат оны ноженки:
«И вы простите-тко, желанныи родители,
И во всей глупости простите нас, во дурости!
И благословите-тко, желанныи родители,
И нам поехать во путь-ши́року дороженьку,
И наделите-тко таланом-вы нас участью,
И всей великоей Господней Божьей милостью!»

И вы смотрите-тко, народ да люди добрыи!
И как не белыи березки нагибаются,
И с отцем-с матерью рекрутики прощаются,
И оны червышком, бессчастныи, свиваются,
И оны клубышком, победныи, катаются,
И в безызвестную сторонку снаряжаются!
И не ясен сокол с тепла́ гнезда слетает,
И добрый мо́лодец из дому выезжает
И нынь по поздному теперечко по вечеру,
И по закату тепло-красного ведь солнышка!
Тут повыстали бурлакушки сердешныи,
И как повышли со хоромного строеньица,
И у крылечика оны обстановилися,
И как зглянýли на хоромное строеньице,
И на светлую зглянýли оны светлицу,
И сняли шапочки со бла́дых со головушек,
И на три сто́роны бурлаки покланялися
И со строеньицем оны да распростилися:
«И ты прости, прости, хоромное строеньице,
Прости, светлая тесова нова горенка!
И не бывать да на родимой буде родинке,
И не хаживать по хоромному строеньицу,
И нам не сиживать во светлой буде све́тлице!»
И поклонилися бессчастныи рекрутики
И печальныи уда́лы добры мо́лодцы
И своим да все ступистыим лошадушкам:
«И спаси Господи ступистыих лошадушек,
И што возили нас, печальных добрых мо́лодцев,
Все по этыим Бладычныим по праздничкам,
И по тихим по смиренным беседушкам,
И по унылыим слезливыим по свадебкам!
И знае-ведае бессчастно ретливо сердче:
И нам не езживать на ступистыих лошадушках,
И нам не сиживать на санках самокатныих!»
И уж как тут эты рекрутики печальныи,
И оны по́джали ретливое сердечушко,
И сговорили тут, бессчастны, таково слово:
«И ты не ной, наше сердечко молодецкое,
И не тоскуй, наша утробушка бурлацкая!

И жаль росстаться со родимой со сторонушкой!»
И со тоски да тут пали рекрута о сыру землю!
И подхватили да их су́дьи поставленныи,
И взяли мо́лодцев под правую под рученьку,
И посадили во печальны дубовы́ сани!
И приукрыли соболиным одеялышком,
И приотто́лкнули желанныих родителей
От своих оны сердечных милых детушек,
И отпихнули сродчев-сродничков любимыих!
И тут извощички добры́х коне́й пону́дили,
И добры ко́нюшки пошли да суревешенько!
И быдто серый волк под кустышком поу́киват,
И так бурлаки путь-дороженькой тоскуют,
И в дубовы́х санях оны да горекуют!
И не дали́-то им судьи́ немилосердыи
И со старыма старушкам им проститися,
И на все стороны рекрутам поклонитися!
Как везут да их извощички немилыи
И не по разуму ступистыи лошадушки!
И дале-дале от родимоей сторонушки,
И ускоряются ко городу Петровскому,
Как ко этому принёму Государеву!

К матери — двоюродная сестра:

И ты послушай, бедна мать да горегорькая
Хоть снаряжать свою скачёную жемчужинку
И ты не в славны города да понизовыи,
И не в извощички, горюша, ты в охотныи,
И не в бурлакушки, горюша, ты во вольныи,
И не по эту золоту казну довольную.
И погляди, бедна кручинная головушка,
Ты на эта златокрыла я́сна со́кола!
И по мостиночкам, наш свет, да он похаживат,
И он во цветноем бурлацкоем во платьице;
И не краси́т на нем да цве́тно это платьице,
И со кручинушки головушка не гладится,
И со обиды волос к волосу не ладится,
И со печали желты кудри рострепалися!

И не темны леса ко зе́ни приклонилися,
И не ка́мышки нонь с гор да поскатилися,
И добры людушки бурла́ку сдивовалися:
И до сегодняшня Господня Божья де́нечка,
И как до этой до студёной, холодно́й зимы,
И быв свеща у нас была да нетоплёная,
И как верба́ да был, наш свет-то, золочёная,
И бы саха́рная он был да деревиночка,
И как налимная изюмна ягодиночка!
И уж как этоей студёной, холодно́й зимой,
И наша милая скачёная жемчужинка
И быдто деревцо, наш свет, да подсечёное,
И во сыром бору береза подсушёная,
И недозревша как теперь да ягодиночка,
И быдто вёшная земля да ворошёная,
И на лугах трава, наш свет, да подкошёная,
И быдто рыбинка во сетку изловленная,
И как ясе́н соко́л во клетку посаженной!
И как сегодняшним Господним Божьим де́нечком
И скрозь туман да печё красно это солнышко,
Скрозь-то темный лес светлеет млад светел месяц
И скрозь о́блак-то течет да наша милая звезда да подвосточная!
И ты гляди-смотри, сестрица сдвуродимая,
И на сердечное рожёно свое дитятко!
И нынь не годышек ведь с им да годовать,
И не урёчная неделя красоватися!
И прошла зимушка студёна — не видаюца,
И вдруг недели миновались — не слыхаюца!
И начасу́ наши бурлаки одеваются,
И во злодийную палату снаряжаются!
И ты послушай, свет-сестрица сдвуродимая,
И как ночесь да было темной этой ноченькой,
И у тебя да про сердечно мило дитятко
И было у́брано хоть складнее зголовьице,
И хоть ложился спать по позднему по вечеру,
И сговорил да тут, скачёная жемчужинка:
«И я последнюю-то сплю да темну ноченьку
И я на этой на пуховоей перинушке,
И на убра́ном я на складнем на зголовьице!

И ты послушай же, родитель-родна матушка!
И не клони да в сон победной буйной го́ловы,
И подле сядь да на тесовую кроваточку
И супротив да ты обидного сердечушка!
И ты гляди-смотри, родитель, во бело́ лицо,
И ты погладь да по бессчастной буйной го́ловы,
И подрочи́ ты по бессчастным по белы́м грудям,
И не жалей, зажги свещи да воску ярова!»
И темной ноченькой свещи горят-туманятся,
И как бессчастной добрый молодец печалится;
И не спокойна была темна ему ноченька;
И, знать, што ведае ретливое сердечушко
И нынь над мо́лодцем великую незгодушку!
И он не сном да темну́ ночку коротает,
И он горючима слезама обливается!
И от победных молодецких его слёзушек
И потонувши круто-складнее зголовьице,
И полинявши наволочечки шёлко́выи!
И с точки сма́хне молодецки свои рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И с горя рвет да свои желтыи кудёрышки,
И подает да он родимой своей матушке:
«И ты возьми, моя родитель жалосли́вая,
И мои желтыи завивныи кудёрышки,
И ты клади да во гербовый лист-бумаженьку,
И положи кудри во правую во пазушку,.
И прижимай да ты к ретливому сердечушку!
И знаю-ведаю, горюн да я печальной:
И што забудешь ты, родитель-родна матушка,
И ты меня — свое сердечно мило дитятко!
И ты ведь по́ясок носить будешь слабёшенько,
И ты обро́нишь мои желтыи кудёрышки,
И подойму́т да светы-братьица родимыи
И мои желтыи завивны там кудёрышки
И повыкинут с хоромного строеньица
Иль сожгут оны в огни да в этом плящеем!»
Еще слушай же, сестрица сдвуродимая!
Уж как этую скачёную жемчужинку
И ты в бессчастный день — во се́реду заси́яла,

И в бесталанный день — во пятницу вспоро́дила;
И, знать, не в ту пору на свет ты попустила,
И когда Божьи были церкви приотворены,
И во церквах да Божьи книги приотомкнуты,
И двери царскии в церквах были приотперты;
И в бесталанный час по вечеру роди́ла,
И когда ку́знецы во кузнецах стояли,
И как булат — это железо розжигали,
И ко оружьицам замки да прилагали;
И на роду́ служба ему, свету, уписана,
И на делу́ ему от братьев приделялася!
Еще слушай же сестрица сдвуродимая!
И хоть ты думаешь, печальная головушка,
И поостанутся сердечны у тя детушки,
И то гордливы, тыи детушки, спесивыи!
И попеняю при всех добрыих я людушках,
И посрекаюсь при спорядныих суседушках:
И ты не матушка была да ему — мачиха,
И быдто у́ сердча его ты не носила;
И не слыхал да он, любимо наше племнятко,
И как от вас, своих желанных родителей,
И он не ласкова прелестного словечушка!
И не видал да он, скачёная жемчужинка,
И от вас да он великого желаньица!
И ненавидли светы-братьица родимыи
И за столом его сидеть да за дубовыим,
И на стульицах его да на кленовыих!
И возрастал как он, любимо наше племнятко,
И он не нашивал сапоженьков козловыих,
И он не держивал бурлацка цве́тна платьица,
И была не́ дана ступистая лошадушка
И ходить-издать по Бладычныим по праздничкам!
И его кушаньем ведь вы не наважали,
И всё крестьянскоей работой утружали;
И вы держали-то его вместо подворничка
И почитали-то его да как работничка!
И говорит тебе сердечно мило дитятко,
Он пеняет жалостливой тебе матушке:
И попустила што великое желаньице,

И по головушке, родитель, нонь подрачиваешь?
Я не дитятко тебе да не сердечное,
И ты солдатушком меня да ведь заси́яла,
И ты солдатушком меня да ведь споро́дила;
И не на красном да я солнышке повырощен,
И уж я рос да на катучем синем камешке;
И не дитятко ты ро́стила — изменушку;
И надсмехались света-братьица родимыи,
И надрыгалися желанныи родители;
И удивляюсь я, удалый добрый мо́лодец,
Уж как этоей студёной но́ньку зимушкой,
И стали светушки ведь братьица ласко́выи,
И родима моя матушка спацли́вая!
И кругом-около родитель-то подхаживат,
И хоть во я́сни мни-ка очушки поглядыват!
И уласкают светы-братьица родимыи
И всё милыма прелестныма словечушкам,
И утешают-то бессчастна добра молодца!
И я того, бедный бурлак, да обиждаюся:
И при после́ди я скажу да поры-времечки:
И мне-ка не было, бурлаку, преберёгушки,
И от родителей великого желаньица!
И уж как мне-кова, бессчастну до́бру мо́лодцу,
И мне-ка не было ведь сладка уяданьица,
И мне медвяного, бурлаку, упиваньица!
И не настроено да мне-ка цветна платьица,
И все вы ладили на милых других детушек!
И я повы́стану по утрышку ранёшенько,
Я обуюсь в сапоженка поскорёшенько,
Я одену хоть шубенку стозаплатнюю,
И подпояшусь я, победной, хоть веревчонкой,
И снаряжусь да на крестьянскую роботушку,
Я во эты́ во темны леса дремучии,
Я за этыма травами за зеленыма;
И мои братьица в домы́ да оставаются,
И на пуховоей перинке проклаждаются!
И хоть прииду2 со темных лесов дремучиих,
И я повыпрягу ступистую лошадушку,
И приведу да я на стойлы на кониныи,

И задам ло́шадям яденья со питемьицем,
И я приду да во хоромное строеньице;
И у моей да у родителя у матушки
И произве́дены обеды полуденныи!
И отдыхают-то сердечны у ней детушки,
Как мои да милы братьица родимыи!
И по избы́ стану, бессчастной я, похаживать,
И говорить стану родителю я матушке:
«И вы накройте-тко на стол да на дубовой,
И вы дайте мне яденья со питемьицем!»
И по избам станешь, родитель, ты похаживать,
И ты не с ве́села на мо́лодца поглядывать,
И ты не ла́сково со мной да разговаривать!
И уж как этоей студёной, холодной зимой,
И сдивовалися ведь до́бры эты людушки!
И хоть стала нонь близешенько подхаживать,
И в устах де́ржишь хоть прелестныи словечушка,
И во сердцы́ нету великого желаньица,
И лицемеришь нонь при до́брых столько людушках,
И обиждашь столько уда́ла добра мо́лодца!
И мне-ка и́з роду ведь было да из племени
И все желанная родитель была тетушка,
И на любимое была да краснословьице,
И на сердечное великое желаньице,
И на заступушку была, на приберёгушку;
И у меня нонь у бессчастна до́бра мо́лодца,
И так победное сердечко разгорелося,
И так обидушка с досадой росходилася:
И не ласкайте, светы-братьица родимыи,
И ты не плачь да понапрасну, родна матушка,
И не диви да многих до́брых столько людушек:
И я не дитятко тебе да не рожёное;
И, знать, не трудничек я вам да не работничек,
И не старатель был крестьянской, видно, жирушки,
И не рачитель до участков деревенскиих!
И знае-ведае ретливое сердечушко,
И што вы ро́стили уда́ла добра мо́лодца,
И во людушки вы ро́стили казенныи,
И на убоину эту службу Государеву,

И на измену светам-братьицам родимыим!
И высоки́, да знать, вы те́рема построите,
И, знать, зелёныи сады́ да принаси́ете,
И винограду, видно, в садику наро́стите!
И как посли́ меня, бессчастна добра́ мо́лодца,
И принаскопите казну да вы бессчётную,
И будут детушки стоять ваши любимыи,
И во у́личках стоять оны рядовыих,
И во лавочках стоять оны торговыих!
И уж как я, да горегорькой е детинушка
И единёшенек, уда́лой добрый мо́лодец,
И отрешён да от крестьянской я от жирушки,
И приотказан от хоромного строеньица,
И быдто птиченька в лесах да заблудящая,
И так же я, бедной бессчастный добрый молодец!
И прости-и́звини, родитель-родна матушка,
Што попенял да я при до́брых тебе людушках,
И посудьячил при спорядныих суседушках!
И я клоню тебе бессчастну буйну голову
И молодецко бесталанное сердечушко.
И я скажу тебе, сестрица сдвуродимая,
И гля люде́й зря рушишь го́рьки свои слезушки,
Как вестимо всем спорядныим суседушкам
И про его да молодецко возростаньице,
И какова была от вас да приберёгушкаі
И он гневен, да наш сдово́льной белой све́тушко,
Што говорят да его братьица родимыи:
«И мы возро́стили себе да все изменушку».
И оны хо́дя, светы-братья, взвеселяются:
«И слава Богу, то теперь, да слава Господу!
Е замена в грозной службе Государевой!»

Причитывающая от имени рекрута обращается к тетке:

И спасет Бог, да сдвуродима мила тетушка,
И на твоем складне-умильном причитаньице,
И на твоих да на россказах правосущиих!
Уж как я, да росбессчастной доброй молодец
И бесталанная победная головушка,

И я в бессчастный день во середу засиян,
И в бесталанной день во пятницу вспорожен,
И я солдатушком в купели ведь окупай,
И во казенный во людушки возрощен;
И меня в зыбоньке, солдатушка, качали
И вдвое-втрое тут мни горя накачали!
И уж я взрос да на катучем синем камешке,
И к завоенному оружьицу воскормлен,
И на измену светам-братьицам родимыим!
И от бладости во радости не бывано,
И от рожденьица веселых дней не видано;
И не видал да я великого желаньица
И от родителя-родимой своей матушки!
И не слыхал да я прелестныих словечушек
И от своих да светов-братьицев родимыих!
И поровечники ведь мни были не по́дружьё:
И подойду я к ним, уда́лой доброй мо́лодец,
И во глаза-то мни оны да прилещаются,
И посторонь оны «служивым» нарекают!
И говорят да там суседи спорядовыи:
«Не участник он участков деревенских,
И не до́льщик он крестьянского ведь полюшка
И не косец да на луговых буде по́женках!»
И во глаза лестя́т дружьё-братьё, приятели,
И позаглазью-то оны да спроговаривают:
«И вон казенный-то солдатушко похаживав,
И горемыка-та уда́лая погуливае!»
И подо́йду да я ко красным ко девушкам,
И ведь тут да мни, бессчастну, не весельице!
И красны девушки миня да сторонилися,
И быв чужанина миня да полошилися!
И вдруг подре́же тут победно ретливо́ сердце́,
И пустылая родима каже родинка!
И еще слушай же, родитель-мила тетушка!
И ты пойди со мной ко городу Петровскому,
И да ты погляди, родитель-мила тетушка,
И как в злодийной ведь палате белокаменной
И нас до́гола, победных, раздевать будут,
И становить станут под меру Государеву!

И принимать станут бессчастных добрых мо́лодцев
И во злодийную во службу Государеву!
И станут брить да наши желтыи кудёрышки,
И приберешь, моя родитель-мила тетушка,
И мои желты молодецкии кудёрышки
На доброумьице себе, на погляженьице
И на роздии себи великоей кручинушки!
И ты увидишь тут, родитель-мила тетушка,
И как нас сводят в Божью церковь посвященную
И принимать да нас присягу уречённую,
И служить да верой правдой нам, солдатушкам,
И без измены то царю-богу русийскому!
И тут повысмотришь, родитель-мила тетушка,
И как водить станут бессчастныих солдатушков
И приучать да ко оружьям завоенныим,
И нас ко этым пистолетам зарукавныим;
И как съедешь на родиму нашу сто́рону,
Порасскажешь многим добрым столько людушкам
И всем приближним спорядовыим суседушкам!

Вопит соседка, у которой брат в солдатах:

Я стою-гляжу, кручинная головушка,
И што впотай рушу́, победна, горючи́ слёзы́,
И не попущу да я, кокоша, жа́лка голоса,
И я обидной горькой причети солдатской!
И подивуют мне-ка до́бры эты людушки,
И посрекаются спорядны вси суседушки.
Я сестра, видно, стою да ведь безбратняя,
И, знать, сердечушко мое да беспечальное
И у меня ведь, у победной у головушки,
И едина́ также скачёная жемчужинка,
И едино́утробной светушко-братец родимой,
И также отдан в грозну службу Государеву.
Уж как тре́тей-то учётный идё годышек!
И как я да была в городе Петровскоем,
И хоть недолгой я поры да была времечки,
Хоть одну жила урёчную неделюшку,
И насмотрелась на бессчастных я головушек,

И на победну, горьку жизнь да я солдатскую!
И не дай Господи на сем да на белом свете
И глядить-смотрить на подстрильных я́сных со́колов!
И отрешённы-то от добрых оны людушек,
И приотре́кнутся от сродчев оны сродничков.
И я гляжу да нынь, печальная головушка,
И как похаживат наш сдово́льной белой светушко,
Уж как милой спорядовой наш суседушко,
И он по доброму хоромному строеньицу,
И как тоскует-то ретливое сердечушко
У дорогой милой скачёной жемчужинки!
И мне-ка смить ли-то, печальноей головушке,
И подойти, бедной горюшице, близёшенько,
И наложить свои бессчастны белы рученьки
И на победны молодецки твои плечушки,
И на бессчастну молодецкую головушку!
И не в огонь иду, горюшица, не о́бпалю,
И не змея иду, победна, я не о́клюну!
И сама по́ себе, горюша, разуметь могу,
Я по светушке по братце разумию вас:
И жаль росстаться с молодецкой во́льной во́люшкой
И роспроститься со родимой со сторонушкой!
И ты послушай, спорядовой мой суседушко!
И не радию я, победная головушка,
И тоби быть да в грозной службе Государевой!
И возврати Господи скачёную жемчужинку
И тебя взад да на родимую сторонушку
И большаком да тебя в дом-то настоятелем,
И тебя пахарем на чисто взад на полюшко,
И сенокосцем на луговыи на поженки,
И севчём да на роспашисты полосушки,
И рыболовушком на сине на Онегушко!
И как тобя, да тёпло-красно наше солнышко,
И наша милая свеща да нетоплёная,
И сожалиют вси спорядныи суседушки
И за твои да за умильныи словечушка!
И как смиреньице у тя было со кротостью,
И ты не плут да был ведь, свет-то, не разбойничек,
И красным девушкам ведь ты да не насмешничек,

И молоды́м женам ведь ты да не проказничек,
И как мужниим-то жёнам не стыдитель был!
И долгих ве́черов, наш свет, да не просиживал,
И темных ноченек, наш свет, да не прогуливал!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на тобя да златокрыла ясна со́кола —
И нынь под тученькой ты ходишь гряновитоей,
И ты под облакой ведь е да страховитоей!
И ты думаешь бессчастным своим разумом:
«И возврачусь да на родиму, може, ро́динку!»
И ты послушай-ко, скачёная жемчужинка,
И не поставь во гнев, сдовольной белой све́тушко!
И будет Господи Бладыко не помилует,
И от злодийной тобя службы Государевой,
И ты пойдешь да во солдатушки походныи,
И ты во дальную путь-ши́року доро́женьку,
И в безызве́стну незнакомую сторонушку!
И я пона́кажу, печальная головушка,
И как тобе, милой спорядной мой суседушко:
И не случится ль тобе слышать
И там про братца про родимого,
И увидать мою скачёную жемчужинку?
И во еди́ной во казармы, може, со́йдетесь,
Иль на стретушке, бессчастны, може, стрититесь,
И да вы ду́-друга, победны, приузнаете,
И за одним, може, столом да вы там будете,
И, може, сядете за стол да против ду́-друга
И вы на ду́-друга, победны, усмотри́тесь-ко,
И потихошеньку́ ведь вы разговаритесь-ко:
«И с коей сто́роны, солдат, какой губеренки?
И сколько лет служишь во службе Государевой?
И ты который год в солдатушках походныих?»
И тут вы ду́-другу, победны, поросскажитесь,
И вы, бессчастны тут солдаты, поросплачетесь!
И ты скажи, да спорядовой мой суседушко,
И моей милоей скачёноей жемчужинке,
И скажи низкое поклонно челобитьице!
И ты скажи еще, сдовольной белой све́тушко,
И таки ль гнев несё скачёная жемчужинка,

И все на нас, да на печальныих головушек?
И што не пише скорописчатой он грамотки,
И не упише свою жизнь бе́дну солдацкую?
И таки ль нет да ему во́льной столько волюшки,
Иль на письмо нет золотой казны бессчётноей
И нет попутьщичков оттуль, видно, ходаталей?
И ты поросскажи, спорядной мой суседушко,
И што не знаем мы, горюшицы, не ведаем,
И во какой орды́ наш свет, да во какой земли!
И што по утрышку его мы восклика́ем,
И по вечерниим заря́м да вспоминаем!
И ты скажи, да тёпло-красно мое солнышко,
И как тоскую я по братце по родимоем!
И кабы мне-кова, печальноей головушке,
И были крылышки, горюше, бы гусиныи,
И были по́лёты, победной, лебедины бы,
И я бы справилась, горюша, поднималась
И выше лесушку, победна бы, дремучего,
И на безродну бы на чу́жу на сторонушку,
И я во да́льны города бы незнакомыи!
И облетела всю Русию подселенну бы,
И повзыскала бы скачёную жемчужинку
И на пути да во солдатушках походныих,
Я по этым бы казармам по казенныим,
И по часовенкам искала бы на спа́сеньи,
И по зеленыим лугам да там на стра́женьи!
Я слетала бы за сине за Онегушко,
Я во это в океян да сине морюшко,
Повзыскала бы по черным бо́льшим ко́раблям,
И я по этым берегам да незнакомыим,
И признавала б светушка́-братца родимого,
И по солдатскому бессчастну белу личушку,
И по печальным его ясныим по очушкам,
И по обидным по солдатским разговорюшкам!
И знаю-ведаю, печальная головушка,
И про его да я жизнь горьку-бессчастную!
И как в три го́ды резвы ножки притопталися,
И все солдатски сапожёнка придержалися,
И по походушкам мондеры притаскалися!

И заболели-то солдатски его плечушка,
И столько носяца ранчи́ эты казенныи;
И подрожали, може, бе́лы его рученьки,
И столько держачи оружьица военныи!
И притомивши-то скачёная жемчужинка,
Уж он хо́дячи, наш свет, да по походушкам,
И он сто́ячи, победной, каравульщиком,
Всё у этыих замков да у казенныих!
И еще слушай же, спорядной мой суседушко,
И ты скажи да светушку-братцу родимому,
И как посли его, скачёноей жемчужинки,
И изменилася крестьянска наша жи́рушка
И издержалась золота́ казна бессчётная!
И ты еще скажи, спорядной мой суседушко:
И хотя ж есть да светушки-братцы родимыи,
И все не спа́цливы к солдатушку бессчастному!
И как в злодийну его службу приотправили,
И прозабыли его братьица родимыи,
И не распро́дают любимоей скотинушки,
И не пришлют да золотой казны по на́добью
И на расход ему, солдатушку бессчастному!
И сдайволюй, да спорядовой мой суседушко,
И мни поро́ссказать про службу Государеву,
И што я видела, печальная головушка,
И как была да я во городе Петровскоем!
И отпускали как солдатушков бессчастныих
И их во партии, победныих, во собраной,
И как идут да путем-ши́рокой дороженькой
И оны в дальную орду да безызвестную!
И как с-по ранному было́ да всё по утрышку
И приходили эты дядьки-то со старшими!
И оны про́шли по казармам по казенныим
И оны громко всим солдатушкам сказали:
«И вам отправка сего де́нечка Господнего
И вам со города теперь да со Петровского!»
И как у этых у солдатушков бессчастныих
И в крепкой сон да у солдатушков не за́бранось;
И тут повы́стали солдатушки победныи
И как со этых оны коек со казенныих,

И тут Исусову молитву сотворили
И во слезах глаза солдатушки крестили!
И не ключёвоей водой да умывалися,
И как не в бело полотно да утиралися!
И умывалися солдаты горючмы слезмы,
И утиралися великоей обидушкой,
И обували сапожёнки тут казенныи,
И на плечушки шанельчишки походныи,
И крепко-на́крепко сердечко подтягали!
И приходили хотя дядьки-то со старшима
И их повывели на ши́року на у́личку,
И их в шариночку, солдатов, установили
И по единушке солдатов выкликали,
И во походный солдаты назначали!
И как в шариночке победнушки стояли,
И уж так да камендéры надрыгались:
И как стояли бы, солдатушки, прямёшенько,
И гляди́ли бы, бессчастны, веселёшенько
И белы рученьки были́ б да поросставлены,
И в едину́ струну бы ноженьки наставлены,
И говорили бы солдаты умильнёшенько,
И привыкали бы к ученью хорошохонько!
И насупроти́в своим, победны мы головушки,
И поблизёшеньку ведь нас на подпущают
И как злодии-камендеры скрозекозныи!
И нету душеньки у их да во белы́х грудя́х,
И нету совести у их да во ясны́х очах,
И нет креста-то ведь у их да на белóй груди́!
И не в могуту им умильно причитаньице,
И им не пó сердцу горю́чи наши слёзушки!
И как приставлены судьи́ да все немилосливы,
И тут привозят они бочки с ключевой водой,
И тут над нама-то оны да надрыгаются!
И как начальнички стоят да там не русскии,
И как судьишечка ведь там не новгородскии;
И велят оны из труб да всё пожарныих
И нас окачивать, победныих головушек,
И всё тушить пожар в ретливыих сердечушках!
Ой, тошнёхонько, победным нам головушкам!

И не в могуту́ нам сёсветное живленьице
И всё от этыих властей да страховитыих,
И всё от этыих судей да скрозекозныих!
И суди Господи злодиям супостатыим
И за их тяжкии вели́ки беззакония!
И ты услышь наши молитвы изутробныи,
И ты узри́ да наши слезы горегорькии!
И при после́ди-то походе этой времечке,
И как на нас да на победныих головушек
И быдто бе́лочки солдатушки погля́дают,
И быв упа́лы серы заюшки посматривают,
И не посмиют-то уда́лы добры мо́лодцы
И с ноги на́ ногу оны да все пере́ступить,
И скинуть ясныих бессчастных своих о́чушек
И все на нас, да на печальныих головушек,
И у которых е желанны хоть родители,
И у которых е сестрицы хоть родимыи!
И хотя ж клубышком, горюши, мы катаемся,
Хотя червышком, бессчастныи, свиваемся,
И не повиря нам, победныим головушкам,
И столько этыи власти́ немилосердыи!
И жаль-тошнёшенько победным нам головушкам
И своих милыих скачёных нам жемчужинок!
И на три ряд наше сердечко приростреское,
И на четыре ряд утроба перелопала,
И столько глядячи на братьицев родимыих!
И подходить стали судьи́ неправосудныи
И как ко этыим солдатам новобранныим,
И наливали тут по чары зелена́ вина.
И оны в музыку злодии заиграли,
И барабанщик барабан да пробивает,
И сговорят да тут судьи́ неправосудныи:
«Марш! В поход пойти бессчастныим солдатушкам!»
И позади пошли победны мы головушки,
И мы не знаем-то, кокоши горегорькии,
В кую путь пошли-широ́кую дороженьку!
И сговорят да тут судьи́ неправосудныи:
«И вы, прибравыи солдатики моло́дыи,
И вы по городу пойдёте по Петровскому

И мимо славную палату енеральскую;
И вы пойди́те, новобранны, веселёшенько,
И пойте пи́сенку, походны, умильнёшенько!»
И столько дится солдатушкам бессчастныим,
И им писенки запить да не хотелось бы;
И ущемля́т у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зяблая утробушка!
И впереди идут всё дядьки да со старшима,
И позади идут ведь крепки караульщички,
И середи́ да музыканты с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И скрозь слезы поют жа́лку оны писенку,
И скрозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногама-то выступывают,
И ретливо́ сердчё ведь кровью запечатано!
И не дай Господи на сем да на белом свету
И росставаться-то со братьицем родимыим,
И отпущать да во солдатушки походныи!
И не гляди́ли бы победны ясны о́чушки
И на бессчастное житье да на солдатское,
И на слезливо их, победных, расставаньице!
И как жива эта разлука пуще мертвой!
И не радила бы, победна я головушка,
И я не роду бы крещеному, не некрести,
Как ходить да по солдатушкам походныим!
И я не знаю ведь, печальная головушка,
Кое день, да кое темная-де ноченька;
И во горях, бе́дна кокоша, во кручинушке,
И по сырой земле, горюшица, каталася!
И сговорила тут скачёная жемчужинка,
И мой бессчастной, светушко́-братец родимой:
«И ты прости, прости, сестрица-свет родимая,
И ты во всей вины прости да во всей глупости!»
И сговорил да еще красно мое солнышко
И со право́й руки пода́л да мни злачён персте́нь,
И от сердечка опояску новгородскую,
И со кармана он платок да левантеровой,
Вси пода́л да он утехи молодецкии
И сговорил да при после́ди таково слово:

«И я дарю тебе, сестрица-свет родимая,
Я на память-то, сестрица, свой злачён перстень,
На доброумье опояску новгородскую,
И на раздай тебе великоей кручинушки
И со кармана я платок да левантеровой!
И спамяти́ меня, сестрица-свет родимая,
И ты гляди да на последнии подарочки
И точно на́ меня, уда́ла до́бра мо́лодца!
И ты держи эты любимыи подарочки
И да ты в день держи на бе́лых своих рученьках,
И да ты в ночь ведь у ретливого сердечушка,
И мой злачён персте́нь держи, бедна, по праздничкам,
И прилагай, бе́дна, ко блёклому ко личушку,
И прижимай да ко бессчастну ретливу́ сердчу!»
Уж вы слушайте, народ да люди добрыи!
Как прощалася, победна, расставалася
Я со светушком со братцем со родимыим,
И мы плотнёшенько ко се́рдчу прижималися,
И во сахарнии уста да целовалися;
И сговорил еще скачёная жемчужинка
И с горя малое единое словечушко,
И он челом бил, мой ведь свет, да низко кланялся
И до матушки, наш свет, да до сырой земли,
Ужо всим вкупи спорядныим суседушкам!
И он возда́л да всим спасибо с благодарностью,
И он за ваше за великое желаньице!
И, буде ви́рите, народ да люди добрыи,
И не могу забыть, кручинная головушка,
И я про слезное со братцем расставаньице,
И я про бедное солдатско похожденьице,
И я не в день забыть, не в темну ночь осеннюю!
И поглядите, многи до́бры столько людушки,
И вы на этого бессчастна добра молодца,
И вы на этого суседа спорядового!
И он тонёшенек теперь, да как тетивочка,
И молодёшенек наш свет, да как травиночка,
И зелена́ стоит быв он да деревиночка,
И недоро́сла как кудрявая рябинушка,
И недозре́ла борова да ягодиночка!

И молчи́-то-ко, спорядной мой суседушко:
И как ты сойдешь-то во службу Государеву,
И на словах да ты, бессчастный, всё простёшенек,
И умом-разумом, победной, ты глупёшенек,
И ты поты́ченья, победной, науви́дишься,
И ты поу́шенья, бессчастной, наприни́машься!
И тут избита-то бессчастна будет спинушка,
Всё подбиты будут я́сны твои очушки,
Исколочена бессчастна буде го́лова,
Как подсе́чены ведь резвы будут ноженьки,
И придоса́жено ретливое сердечушко,
И приоби́жена бессчастная утробушка!
И в темном лисе — да ты зверя устрашился бы,
И в чистом поле — да ты змея убоялся бы,
И в злодийной этой службы Государевой
И не нача́ешься — ты горя накачаешься,
И не нади́ешься — обидушки навидишься;
И невзнача́й да получать будешь поу́шенья,
И ты не знаешь за что — побои превеликии!
Уже ой да горе-служба Государева!
И как еденьице вам буде ведь скотиное,
И точно питьецо, победным, лошадиное;
Уеданьице вам будут ведь сухарики,
И вам питемьице-то — во́душка со ржавушкой!
И хоть невеликую вину да вы прови́нитесь,
И нету милости, бессчастным, нет прощеньица;
И под бока станут солдатскии подтыкивать,
И подобьют да ваши я́сны эты очушки,
И победную бессчастную головушку,
И дают розги во бессчастны ваши плечушки,
И уже бьют да так бессчастну вашу спинушку
И страшно-у́жасно ведь палкама великима,
И вам не сто дают ведь, разом — целу тысячу!
И тело с мясом у бессчастныих смешается,
И как из плеч да ручьем кровь-то разливается!
И как от этыих побоев от тяжёлыих
И тут бессчастна бы головка не клонилася,
И тут солдатское бы сердце не корилося,
И наб повынести могучим вашим плечушкам

И эты смертныи побои да тяжёлыи!
И наб повытерпеть бессчастному сердечушку
Уж как всю эту обиду преужасную!
И тут утробушка у вас не унывала бы,
И горючи́ слезы́ у вас не протекали бы
И как пред этыим начальством пред всевышниим,
И как пред этыим злодием супостатыим!
И веселы́м наб быть, победным, не смеятися,
И при обиды вас, несчастным, не росплакаться!
И межу собой начальники смущаются
И над бессчастныма солдатам изъезжаются!
И не поставь во гнев, спорядной ты суседушко,
И што жа́лобно, горюша, причитала,
И про злодийну грозну службу россказала;
И хоть я не́ была во службы Государевой,
И не ходила по походам я солдатскиим,
И столько была я во городе Петровскоем —
Я оди́нова со братцем со родимыим,
Хоть одну была урёчную неделюшку,
Я нави́делась, победная головушка,
И насмотри́лась на солдатов новобра́нныих,
Как ходили на ученьице великое;
И хотя ж ветрышки-то были со погодушкой,
И была стужа со морозама крещенскима,
И все неверны камандеры страховитыи,
И столько этыих солдатушков моло́дыих
И приучали ко оружью завоенному,
И штобы вдруг ровно направо повернулися,
Штоб в минуточку оружья перекинули.
И их повыстанет ширинoчки казенныи;
И плечо с пле́чом ровно б у них ровнёшенько,
И бу́йна го́лова была бы у их прямёшенька,
И отойдут да камандеры тут ведь ротныи,
И оны впрям глядя́ по плечушкам могучиим,
И оны вточь глядя́ по буйной по головушке;
И новобранныи солдатушки бессчастныи,
И все к оружьицу оны не применилися,
И оны ввытяжку стоять да не навыкли,
И поворотушков держать да не умиют!

И горячи́ да эты ротныи — свирепыи,
И отдали́ да оны скоро поразо́йдутся,
И закричат оны злодии по-звериному;
И как этыих бессчастныих солдатушков
И оны ткнут да все во правое во плечушко,
И как у этыих солдатушков бессчастныих
И со ясны́х очей да слезы вдруг повытекут...
И как у нас, да у печальныих головушек,
И обмират наше ретливое сердечушко,
Уж как глядя́чи на скачёныих жемчужинок!
Хоть в бело́ личё дуют буйны эты ветрышки,
В ясны́ о́чи бьет погода непомерная,
И никуды, бедны солдаты, не уве́рнешься,
И по фатерышкам, бессчастны, не разо́йдешься!
И от снежку́ да зябут резвы у их ноженьки,
И от оружьица бессчастны ручки белыи,
И от морозушку сердечко перетрескает;
И не одеты там собольи белы шубоньки,
И одны только мунде́ры сукон серыих;
И у их здрагиват бессчастно тело белое!
И мне-ка жаль того, победноей головушке!
И лучше я, бедна горюшица, радела бы
Ему скорую злодийну бы смерётушку,
И опустила бы, горюша, во сыру землю!
И тут не ржа́вело б победно ретливо́ сердчё,
И где таскается бессчастно наше дитятко:
Иль зябет да по студёной он по зимушке,
И летной по́рой на дождях стоит сыпучиих,
И на страстях може, светушко, на у́жастях!
И мое трескае ретливое сердечушко:
Ой, бессчастныи солдаты, неталанныи!
И как у вас, да у победныих головушек,
И без угару розболится буйна го́лова,
И от побоюшков у вас да от тяжёлыих!
Наб бояться-то судей неправосудныих,
И покоряться наб властям немилосердыим,
И подражать да вам кажинную минуточку!
И буди проклята на сем да на бело́м свете —
Уж как это зло-великое несчастьице,

Всё злодийное проклято бе таланьице —
Уж как эта гро́зна служба Государева!
И трудна́-тя́жела ведь служба Государева:
И день и ночь служить солдатушкам бессчастныим;
И нет спокою-то ведь темной этой ноченькой,
И нет отдо́ху на Бладычны Божьи празднички;
Дробить наб, да как начальству-то являтися:
Штоб мундеры сукон серыих наглажены,
Как оружьице всё было бы начищено,
И сабли вострыи всё были бы насветлены,
И плотно-наплотно ведь были б подпоясаны!

Если рекрут пошел охотой за братьев, то соседка продолжает:

Да ты слушай же, спорядной мой суседушко!
И ты окинулся на братьицев родимыих,
И на их ласковы прилестыи словечушка!
И ублаждают тебя доброго ведь мо́лодца,
И тебе цве́тно ноньку платьице наря́жено,
И тебе ествушки сахарныи составлены,
И тебе пи́тьица медвяныи нала́жены,
И для прогулушки добры́ кони подпряжены.
И да ты ду́машь, спорядовой мой суседушко,
И што ведь век будет тебе да уваженьице?
И не веко́во уваженьице — часо́вое.
И тебя сда́ют как во службу Государеву,
И позабудут светушки́-братцы родимыи.
И буде Бог судит Бладыко многомилосливой,
И по-благу́ служить ведь службу Государеву,
И буде выслужишь уречны эты годышки,
Буде возвра́тишься на родимую сторонушку,
И не будет тут от братьев уваженьица,
И приобидят тут солдатушка бессчастного,
И сговорят да тебе братьица родимыи:
«И ты не дольщичек крестьянской нашей жирушки,
И не участничек участкам деревенскиим,
И не пристройщичек к хоромному строеньицу,

Ты не пайщичек любимоей скотинушки!»
И позабудут светушки́-братцы родимыи,
Оны нынешню напасть-беду великую,
И сговорят еще солдатушку бессчастному:
«И ты ведь дольщичек все службы Государевой,
И ты участничек солдатушков походныих,
И ты пайщичек казармам всё казенныим,
И половинщик ты оружьям завоенныим!»
И заобидишься, солдат, ты закручинишься,
И во слезах да ты ответишь таково слово:
«Бог судья вам, светушки́-братцы родимыи!
И как во ту́ пору было́ да в тое времячко,
И когда грозна эта служба сустигала,
И вы не шли да туды братцы, не давалися,
И вы ведь мной, да горегорьким, заменялися!
И кабы знал да я, бессчастной, про то ведал бы,
И вас не слушал бы я, братьицев родимыих,
И не окинулся б на ла́сковы словечушка,
И не сменял бы ум-тот разум на безумьице,
И я не шел бы в грозну службу Государеву!
И хоть бы в горе жил — на вольной своей волюшке,
И хоть я в ху́дом был, победной, во житьишечке,
И столько на своей любимой бы сторонушке!
И как за вас, да светушки-братцы родимыи,
И много страсти я приви́дал, много у́жасти
И больши́ того — побоев превеликиих!
Белы рученьки мои да примахалися,
Белы ноженьки мои да притопталися,
Ясны очушки мои да притомилися,
Бедна спинушка моя да поросспластана,
И вся утробушка моя да перержавела!
От подтычин я не вижу света белого,
От поу́шенья не слышу ветра буйного!
Бог судья вам, светушки-братцы родимыи!»
И тут воспомнишь ты кручинную головушку,
И ты меня, да ведь приближную суседушку:
И говорила как спорядная суседушка,
И так ведь и́збылось и в точь все обреща́лось!
И ты не гневайся, сдовольной белой светушко,

И на мое да ты нескладне причитаньице!
Хоть не умильно я, горюша, причитала,
Столько ума-разума в головку придавала!
И хоть не много жизнь солдатскую видала,
Знаю-ведаю, победная горющица,
Каково да им, бессчастным, уваженьице!

Суседка к матери, если она не причитает:

Порасстроньтесь-ко, народ да люди добрыи,
Дайте ми́стечка вы мни да несомношечко,
И с о́дну ле́тную со малую тропиночку,
И вы со этую дубовую мостиночку,
И не на́ добром мни комони проехать,
И единой пройти, кручинной мни головушке,
И мне ко милоей спорядноей суседушке,
И повзыскать мне-ка, печальноей головушке,
И мне, победной, бедну матерь горегорькую!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И я на милую спорядную суседушку:
И што сиди́т да на брусовой она лавочке,
И у ей по́джато ретливое сердечушко,
И принакло́нена бессчастна буйна го́лова
И утуплены ведь очи на дубовой пол,
И вопота́й рушит, горюша, горючи слезы?
И ты послушай же, спорядная суседушка!
И не попустишь ты унылой жа́лкой го́лосок,
Хоть не уми́льное бы складне причитаньице,
Все не гля́ чести, горюша, не гля по́хвалы,
И со великой бы злодийной ты кручинушки!
И хоть горю́чи, бе́дна, слезы проливаешь,
И не пови́ря того до́бры тебе людушки,
И про тебя, да про бессчастную головушку,
И межу ду́-другом тихонько разговаривают:
«И не жалие, знать, сердечного ведь дитятка,
И свою милую скачёную жемчужинку!»
И не могла стерпеть, кручинная головушка,
И содержить свое ретливое сердечушко,
И подошла да я, кручинная головушка,

И наздыну свои бессчастны белы рученьки
И на твои столько печальныи на плечушки:
Ты послушай, спорядовая суседушка,
И што сидишь да на брусовоей на лавочке
И не подходишь ко сердечному ко дитятку?
И он похаживат, у́далый добрый мо́лодец,
Хоть по доброму хоромному строеньицу,
И нету сродчев у него, да видно, сродничков,
И нету любушек-сестриц, видно, родимыих!
И по головушке никто да не подранивает,
И по бессчастным его плечам не поглаживает!
И подойди да ты, родитель-родна матушка,
И ты наздынь свои, родитель, ручки белыи
И на печальну молодецкую головушку
И на бессчастныи могучи его плечушки!
И видно у тебя, печальной у головушки,
И плотно-каменно ретливо, знать, сердечушко,
Што отдали́ ходишь, горюшица, туляешься
И от сердечного рожёного от дитятка!
И как у тво́ей скачёноей жемучужинки
И закручинилась бессчастная головушка
И закатился, знать, катучий белой камешек
И на печальное бурлацкое сердечушко
И на бессчастну молодецкую утробушку!
И он без ветрышка, наш светушко, шатается,
И ума-разума, победной, он срекается!
И он похаживает, свет, да выговаривает,
И он во все в эвты во добрыи во людушки;
И сговорит да он, победной, таково слово:
«И я не знаю, добрый мо́лодец, не ведаю,
И што разгневалась желанна моя матушка
И на бессчастного уда́ла до́бра мо́лодца?
И кругом-около родитель не обхаживат,
И ко мни во́ глазы родитель не поглядыват,
И про запас да в молодецко бело личушко!
И подойди-скажи, родитель-родна матушка,
И чим разгневал я, уда́лой доброй мо́лодец,
И отрешил чим я родительско желаньице?
Аль ты слушаешь любимых своих детушек,

И моих ми́лых светов-бра́тьицев родимыих?
Ты подумай же, родитель-родна матушка,
Как мои да света-братьица родимыи
Изживают миня, бе́дна добра мо́лодца,
И быдто лютого зверя́ да из темна́ леса,
И быдто лютую змею да из чиста́ поля́!
И, знать, что я, бедной бессчастной доброй мо́лодец,
И, знать, не ди́тятко тебе да не рожёное,
И, знать, не вси ровны сердечны тебе детушки,
И теби по́ люби, знать, дети оставаются!
Уж как вы, мои желанныи родители,
Изгоняете бессчастную головушку,
И быдто заишка с-под раки́това под кусты́шка,
И горносталя с-под катуча бела камешка!
И можно знать, моя родитель-родна матушка,
И про бессчастного уда́ла добра мо́лодца:
Уже так мое сердечко разгоряется,
И зла великая кручина расходилася,
И на сердечушке тоска да роспалилася,
И белой свет да со ясных очей теряется!
И чем разгневал я родитель тебя-матушку,
Так ты в том прости, родитель жалосливая,
И не гневила бы, победна моя матушка,
И при последи-то меня да поры времячки!
И не дивила бы ты добрыих-то людушек,
И не знобила бы бессчастного сердечушка!
И мне пройти было, бессчастну добру молодцу,
И мне во этой бы унылой задний у́голок
И ко желанноей к родителю-ко матушке,
И приклонить своя бурлацкая головушка,
И покорить да всё печальное сердечушко!
И не прошу да я, уда́лый добрый мо́лодец,
Я не злата-то у вас, да всё не се́ребра,
И не прошу да золотой казны по надобью!
Я прошу столько, родитель-родна матушка,
Я родительское прощенье с бласловленьицем!
И как што сдиется, родитель-моя матушка,
И над бессчасноей бурлацкоей головушкой,
И как во этой во полаты белокаменной,

И буде Бог судит бессчастну добру мо́лодцу
И во злодийной быть во службе Государевой,
И не спокиньте-тко бессчастна добра мо́лодца,
И вы приидьте-тко во город во Петровской;
И не забыдьте, светы-братьица родимыи,
И во поход меня, бессчастна, проводите-тко!
И обмендерят как бессчастных нас головушек,
И увидаете, сердешныи, узнаете
Тут про нашу бедну жизнь да про солдатскую,
И про бессчастное яденье со питемьицем,
И про тяжкии побои превеликии,
И про зло это начальство страховитое,
И про злых этых судей да скрозекозныих!»

Другая соседка к матери:

Я ответ держу, кручинна нынь головушка,
И я теби, милой спорядноей суседушке!
И да ты слышала, победна, в глаза видела:
И скро́зь обиду твое дитятко высказыват,
И скроэь горючи он ведь слезы выговариват,
И приклонил свою бессчастну он головушку,
И покорил да бесталанно ретливо́ сердчё
И он со этыма слезама со горючима,
И он при всих да ведь при добрыих при людушках,
И при ближних спорядовыих суседушках;
И он повысказал, уда́лой доброй мо́лодец,
И како́ его из дому похожденьице!
И жаль-тошнёшенько уда́ла добра мо́лодца:
И он во́зрастом, наш свет, да не малёшенек,
И на походочку, наш свет, да быдто стопочка,
И во лицы да всё белила со румянама,
И развеселы молодецки ясны очушки;
И по полатушке пройдет да свет — не стря́хнется,
И говорит да наш свет-то — не мешается,
И знать, приглянется судья́м там поставле́нныим!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И кабы у́ тебя, кручинной у головушки,
И во сердцы́ было велико бы желаньице,

И во устах были прелестны бы словечушка,
И до печального сердечного до дитятка,
И не допустила бы, победна, во резвы́ ноги́
И ты приняла б на белы свои рученьки,
И от тошна́ горя́ к сердечку прижимала бы,
И со кручины к бе́лу ли́чю прилагала бы!
Уговорила бы дитё да уласкала бы,
И наказала бы сердечному ты дитятку
И ты умильныим родительским словечушком:
«И как поедешь ты, сердечно мило дитятко,
И ко злодийному ко городу Петровскому,
И на пути да гди на широкой дороженьке,
И где увидишь ты часовни богомольныи,
Где прозна́ешь да ты церкви посвященныи,
И во часовенки зайди да ты на спа́сенье
И в Божьи церквы заходи да ты на мо́ленье,
И да ты ставь-ко там свещи да всё рублевыи,
И засуляй-ко пелены да всё шелковыи,
И ты Пречистоей Пресвятой да Богородице;
И молись да ты там Богу от желаньица,
Штобы Господи Бладыко-Свет помиловал
И от злодийной грозной службы Государевой,
И возвратил бы на родиму тебя родинку
И во свой да дом, крестьянскую во жирушку!
И ты начальству во палаты не годился бы,
И черным вороном в глаза до показался бы!»
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И когда дитятко тебе да покорялось,
И как бессчастная головка приклонялася,
И ко теби да все во резвыи во ноженьки,
И у тобя, моя спорядная суседушка,
И не сдыну́лись тут ведь бе́лы твои рученьки
И на печальну на бурлацкую головушку
И на обидны его желтыи кудёрышка!
И, знать, на ту пору уста да запечатались,
И у тобя, да у спорядной у соседушки,
И не воро́тится ведь нынь да всё речист язык!

Соседка, у которой брат в солдатах, к народу:

И вы послушайте, народ да люди добрыи,
Што ведь я скажу, кручинная головушка!
Сама по́ себи, горюша, разумить могу,
Я была в такой ж великоей кручинушке,
Я в несносноей злодийноей тоскичушке!
И как со светушком я братцем расставалася,
И всё горючима слезами обливалася,
И во горя́х добрых людей не узнавала
И родимого я братца не видала!
Не дивуйте-тко, народ да люди добрыи,
И также этой спорядовоей суседушке:
Ведь детиная тоска — неугасимая!
И, може, нет да ума-разума в головушке
И у ей ро́змыслу в ретливоем сердечушке;
И как сегодня, сего де́нечка Господнего
И без ума, да може, мать ходит — шатается!
И вы не вирите, спорядныи суседушки,
И нам бессчастныим, кручинныим головушкам:
И вы во добрыих живете все во жирушках,
И вы незгоды над собой да не видаюца,
И вы кручины-то-печали не слыхаюца!
И, може, рада бы она да при́читать —
И она в грамоты, горюша, не училася
И всё от добрых людей да непонятная!
И не начаялась она да не надиялась
И над собой да всё великоей кручинушки:
И она в до́брой во крестьянской жила жирушке,
В добре́ ро́стила сердечных она детушек;
И она думала победным, може, разумом,
Што повырощу сердечных своих детушек
И отпущу да их на чу́жу на сторонушку
И по охотныим бурлацкиим роботушкам,
И наживут да золотой казны по надобью;
И да мы при́берем бурлакушка-охотничка,
И добра мо́лодца возьмем да мы нанёмщичка,
И задаи́м да золотой казны бессчётноей
И слободам да мы бурлачкую головушку!

И не по думушкам теперь да дело ставится,
И не по розмыслам у ей да обрещается:
И хоть возро́стила сердечных еще детушек
И сожалела отдать в добрыи во людушки
И содержала на родимой их сторонушке
И все во доброй, во крестьянскоей во жирушке!
Еще думала спорядная суседушка:
«Може, годышки-то будут не бедовыи,
И не придут скоро наборы Государевы?»
И как по ейному великому бессчастьицу,
И пошли годышки теперь да всё бедовыи,
И времена пошли с беда́ма со напастями,
И часты́ пошли наборы Государевы!
И выбирать стали уда́лых добрых мо́лодцев
И всё по полному бурлацкому по возрасту,
И красотой да всё по белому по личушку,
И на походочку, бурлакушков, щепливую,
На поговорюшку рекрутиков учливыих!
И как у ей да тут, спорядноей суседушки,
И тут пово́зрасла саха́рна деревиночка,
И вдруг ведь ра́сцвела изюмна ягодиночка;
И тут ведь знать стали народ да люди добрыи,
И тут проведали судьи́ неправосудныи,
Што к набору е скачёная жемчужинка!

Та же соседка к матери:

И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты проглупала скачёную жемчужинку,
И прозабыла ты, печальная головушка,
Как в досюльны времена да было-годышки:
И были людушки ведь е да запростейшии,
Уж как прежний-то народ да был ведь спа́цливой,
И новгородскии крестьяна не бало́вливы,
И как судьи́ да в тую пору правосудливы,
И как власти́ да тогды были милосердыи,
И были вре́мячка в ту порушку спокойныи!
И прозабыла ты, печальная головушка,
И што ведь времечко идет да ускоряется,

И пошли людушки ведь е да всё бало́вливы,
И судьи́-вла́сти-то пошли да скрозекозныи,
И начальнички пошли да всё бездельныи,
У их женушки пошли да белорукии,
У их до́чушки пошли да ничевухи:
И не ткиюшки оны, да не прядеюшки,
И одно у их в умы, да одно в разуме:
И все белила-то у их, да со румянами,
И как хвостом вертеть, да как ногой тряхнуть;
И не знают-то, бессчастныи, не ведают,
И што ведь дом вести — не головой трясти!
И как от этого велика беззакония,
И как от ихного теперь неправосудья
И на часу́ да все законы составляются,
И на минутой вси статьи да рассуждаются;
И мужиков-то все судить да добераются,
И их на́гладко, бессчастных, разоряют!
И как за наше за велико согрешенье
И пошли годышки ведь нонь да всё бедовыи,
И зачастую неприятель все волнуется,
И под Русию подселенну подбирается,
И пошли ча́сты нонь наборы Государевы!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И да ты вла́стна всем сердечным своим детушкам,
И ты бы ладила в урёчны их во годышки,
И ты бы славныим купцам да все богатыим,
И ты бы на́жила злотой казны бессчётноей;
И не спала бы ты по темныим по ноченькам,
И ты ездила б к судьям неправосудныим,
И ты по этым писарям да хитромудрыим,
И на безлюдье золотой казной дарила бы,
И штоб подальше жеребья да отложили бы
И твою милую скачёну бы жемчужинку!
И нынь схватилася спорядная суседушка
И жали́ть да все сердечно свое дитятко,
Как поблизёшеньку в бумажку записали!
И ты проспа́ла-то по темныим по ноченькам,
И нынь проглупала по Божиим по де́нечкам;
И наб вдруг спустить сердечно нонько дитятко

Из очей да ведь скачёную жемчужинку,
И единёшенька удала добра мо́лодца
И от доброей крестьянскоей от жирушки!
И вам укор да от спорядныих суседушек;
И обиждаться-то сердечно буде дитятко,
Што поотдали во службу Государеву,
Пожалили светушко́в-братцев родимыих!
И, знать, так сужено скачёноей жемчужинке,
И на роду́ судьба бессчастному уписана,
И на делу́ да, видно, служба доставалася
Твоему да всё печальну милу дитятку!
И как на этой на урёчной на неделюшке
Я заметила, печальная головушка:
И как поедет-то бессчастной доброй мо́лодец,
Он на доброй на ступистоей лошадушке,
И на хороших на санках самокатныих,
И он на славноем коври новогородскоем,
И принаклонит-то бурлацкую головушку —
Я повыду на крылечико перёное,
Я гляжу да на путь-ши́року дороженьку,
Я в роздольице, горюша, во чисто́ поле,
И на бессчастного уда́ла до́бра мо́лодца;
И он иде путем-широкой дороженькой,
И он раздольцем, победной, всё чисты́м поле́м,
И он глядит да на четыре вси сторонушки
И молодецки горьки слезы проливает!
И он с головушки фуражечку снимает,
И кашемировой платочек вынимает,
Им подмахиват бессчастно бе́ло личушко,
И утирает, бесталанной, горючи́ слезы!
Знать што ведае ретливое сердечушко
И над собой да злу великую незгодушку!
И прогляжу, бедна горюша я бессчастная,
И как на светушка я братца на родимого.
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты бы взя́ла золотой казны по надобью
И ты сходила бы во улички рядовыи,
И ты во лавочки зашла бы во торговыи,
И закупила лист бумаженьки гербовоей,

И наняла бы писарев да хитромудрыих;
И ты списала у скачёной бы жемчужинки
И его ла́сковы, прелестны бы словечушки,
И ты учливу бы умильню поговорюшку,
И ты цве́тно бы бурлацко его платьице
И бессчастно молодецко его личушко,
Бесталанны бы слезливы ясны очушки!
И ты держала бы во правой белой рученьке,
Прижимала бы к ретливому сердечушку,
И прилагала бы ко блеклому ко личушку;
Ты на Све́тло бы Христово Воскресеньице,
На стопочке держала бы точеной!
Как во нашем селе да деревенскоем,
Как у нашей Божьи церквы посвященной
И во приходе буде праздничек годо́вой,
Как приезжать да станут сродчи-милы сроднички
И соберётся вся порода именитая,
И да вы сладите обеды полуденныи,
И тут сходила в мелкорублену бы клеточку,
И ты бы при́несла патрет да ли́че белое
И становила бы за стол да за дубовой,
Ты на это бы косевчато окошечко!
И сродчи-сроднички глядили-любовались бы,
И ты сама села, победна бы головушка,
И супроти́в бы ты патрета ли́ча белого,
И ты дрочи́ла по гербовой бы бумаженьке,
И туг вспомнила сердечно ты бы дитятко;
Вси бы род-племя любимо вспамятили бы,
Как за этыим столом да за дубовыим!
И нагляделась бы, спорядна ты суседушка,
Как на сердечное рожёно свое дитятко;
И ты бы приче́тью, горюша, причитала,
И сговорила бы, бессчастна, таково слово:
«Хотя ж при́брались вы, род-племя любимое,
Хотя ж вси вкупе порода именитая,
И едино́й нету скачёноей жемчужинки!
И мы не знаем-то, победнушки, не ведаем,
Где победное дитё да обрещается!»
И светы-братьица с породой угощаются,

И за дубовыим столом да проклаждаются,
И едино́, може, бессчастно это дитятко
И трои суточки ведь, ди́тё, не едаюца,
И неделюшку спокою не видаюца!
И, может, на страсти, наш светушко, на у́жасти,
И на сраженьице, наш свет, да на великоем!
Не до Владычного Господнего до праздничка
И не до сладкого ему да уеданьица!
И, может, горькима слёзама обливается,
И ретливо сердче ведь кровью запечаталось,
Как во этой грозной службе Государевой,
И во бессчастныих солдатушках походныих!
И в слеза́х вспо́мнит он родиму свою ро́динку,
И сговорит столько бессчастной доброй мо́лодец
И межу братией-солдатами походныма:
Как сегодня, скаже, де́нечка Господнего,
Как на мо́ей на родимой, скаже, сто́роне,
И как у нашей Пресвятой да Богородицы,
И е престол да ведь Господень Божий праздничек,
И е гуляньице на ши́рокой на у́лице.
Как собраньице душа́м да красным девушкам,
Все гульбищечко уда́лым до́брым мо́лодцам!
Уж как мы, бедны бессчастныи солдатушки,
Не на гульбищечке ведь мы да проклаждаемся,
С завоенным мы оружьем забавляемся,
И нас не носят с горя резвы нонько ноженьки,
И не глядят да на́ свет я́сны наши очушки!
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И пожалела золотой казны бессчётной,
И не пожалела ты сердечно свое дитятко,
И ты не на́няла писарёчка хитромудрого,
И не списала еще, победна ты головушка,
Как ведь дитятко тебе да выговаривал,
И скрозь обиду при добры́х людях высказывал,
Што ублаждали-то его да как нанёмщика;
И обиждалося сердечно мило дитятко,
И на тебя да на родитель все на матушку,
И он на светушков на братьицев родимыих!
И не списала на спомин своей скачёноей жемчужинки,

И на роздий́ своей великоей кручинушки!
И мо́лча схватишься, спорядная суседушка,
Да как по́живешь с любимыма со детушкам!
И не будет-то, победной, приберёгушки,
И уваженьица от милых своих детушек,
И тут воспомнишь ты скачёную жемчужинку,
И ты печальное сердечно свое дитятко,
И скрозь обидушку, горюша, ты великую,
И да ты до́ждешься разливной весны красной,
И ты повы́дешь все на ши́року на у́личку,
И с горя со́йдешь ты к кру́тому ко бережку;
И быстры риченьки теперь да поразо́льются,
И сине славное Онего порасп́олется,
И ты гляди́ть станешь за сине за Онегушко,
И ты нагля́дать будешь че́рных бо́льших ко́раблей
Издалека́, бе́дна горюша, из синя́ моря́:
Не забилиют ли там то́нки белы парусы,
И не покажутся ли че́рны бо́льши ко́рабли,
И не подъедет ли сердечно мило дитятко,
И он ко пристани, наш свет, да корабельной,
И он на тихий, наш светушко, на за́води?
И не дождёшься ты, печальная головушка,
Взад воротишься в хоромное строеньице!
И ты патрет взяла б — бело его личушко,
И ты ходить стала б по хоромному строеньицу,
И ты во светлую сходила бы во све́тлицу,
И ты носила бы патрет да бело личушко
И супроти́в очей во белых своих рученьках,
И ты клала бы на стол да на дубовой!
И обходя ж, да ты патрету поклонялася,
И ты горючима слезами обливалася,
И тут раздияла велику бы кручинушку,
И тут спромолвила еди́но бы словечушко:
«Наглядитесь-ко, бессчастны мои очушки,
И вы на эту на гербовую бумаженьку,
И как на милое, сердечное на дитятко!»
И пораздумайся победным своим разумом:
И твои ноженьки, победна, притопталися,
И твои белый-то ручки примахалися,

И ясны очушки твои да притомилися,
И твоя сила у бессчастной придержалася,
И твой век да у горюши скоротался ведь,
И пристарела ты, спорядная суседушка,
И не видать, може, сердечна будет дитятка,
И, може, на́слыхе, горюше, не слыхать буде!
И быдто вешняя вода со льдом разо́йдется,
И также ты, бедна, со дитятком расстанешься:
И поразлучат-то победную головушку
Как во этом тебя городе Петровскоем,
Во принёмноей палате белокаменной,
Уж как этыи судьи́ неправосудныи,
Уж как этыи власти́ немилосердыи!
И отведут этых бессчастныих рекрутиков
Как во эты во казармы во казенныи!
И вы без спросу к ним, победныи, не схо́дите,
И без докладу вы в глаза да не увидите;
И как их выпустят на ши́року на уличку,
И впереди да у их будут провожатели,
И позади дают солдата караульщика;
И хоть пойдешь, бедна, в казармы во казенныи,
И золотой казной ведь надо подаритися,
И угостить надо ведь дядков-то со старшима,
И угостить надо, горюшице, употчивать!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И я поро́сскажу печальной всё головушке,
И накажу теби, спорядноей суседушке:
Я сама была, печальная головушка,
И во злодийном была городе Петровскоем,
Я со светушком со братцем со родимыим;
Я сама знаю, горюша, про то ведаю,
И как ходить да во казармы во казенныи,
И по часам ходить туды да по минуточкам!
Я ходила как ко братцу ко родимому,
У дверей да я дарила все придверничков,
И угощала его крепких караульщиков,
И придержала золоту казну бессчётную!
И хотя ж при́дем мы по утрышку ранёшенько,
И крепко-накрепко воротушки призаперты,

И плотнёшенько решёточки задвинуты;
И кругом-о́коло, горюшицы похаживаем,
На часовых этых солдатушков поглядываем;
И поскорёшеньку ль ворота поотложатся,
Што решёточки в казармы приотдвинутся ль,
Скоро ль выпустят скачёныих жемчужинок
Прогулятья их на ши́року на у́личку
И повидать да нам, победныим головушкам!
И ты воспомнишь, спорядовая суседушка,
И мое бедное, уныло причитаньице!
И не радела бы, печальная головушка,
Порасстаться-то с сердечным тебе дитятком!
И все не вирят-то судьи́ неправосудныи,
Не разумиют все власти́ немилосердыи,
Што нам жаль-тошно сердечных милых детушек!
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на твое да на сердечно мило дитятко:
И быдто вёшная земля да ворошёная,
И твое милое сердечно сидит дитятко,
И вдруг подзяблая изюмна ягодиночка,
И вдруг подсохлая саха́рна деревиночка!
И скрозь туман да печё красно это солнышко
И на бессчастного уда́ла добра молодца,
И долит его великая заботушка,
Ушибат его злодийная незгодушка,
И жаль расстаться-то сдовольну бе́лу све́тушку,
И ему с добрыим, хоромныим строеньицем,
И со светлой ему да всё со светлицей!
И как сего дня, сего денечка Господнего,
И как у вас да во столовой новой горенке,
И хоть расставлены столы у вас дубовыи,
И на столах да самовары хоть шумячии,
И хоть садилися сердечны твои детушки
И на стульица садились на кленовыи,
И дружьев-братьицев садили все приятелей,
И своих милыих садили порове́чников,
И мы глядили все, победныи головушки,
И со сторо́н да на скачёныих жемчужинок:
И у единого сердечного у дитятка

Как дрожат да молодецки белы рученьки,
Как поднять да эта чайна столько чашечка!
И он не чаю столько, свет, да искушает
И он горючи бедны слезы проливает.
И твои детушки ведь тут сильно расплакались
И за дубовыим столом да разобидились,
И оны ду-другу тут, братья, покоряются,
И едину да свету-братцу поклоняются
И наливают ему чару зелена вина.
И говорит эта скачёная жемчужинка
Он своим да светам-братьицам родимыим:
«И што за чудышко теперь да причудилось,
И што за дивно в доме диво проявилось,
Што дубовые столы да порасставлены
И тонки, гладки сукна́ да поразостланы,
И што собраньице народу-людям добрыим?
И я взгляну да на косевчаты окошечка:
И прикручинивши косевчаты окошечки,
И на слезах стоят стекольчаты око́ленки!
И при печали самовары-то шумячии!
И што почтеньице от братьев угощеньице
Уж как мне-кова уда́лу добру молодцу?
И не честно́е ведь у нас да пированьице,
И не весело у нас да столованьице:
И за столом да я не князь сижу моло́дой,
И сижу мо́лодец теперь я под неволюшкой,
И при досадушке сижу да я несносной!
Уж вы слушайте, дружье-братье, приятели!
Уж вы пейте ча́и-ко́феи горячии,
Взвеселите-тко победную головушку,
Вы воспойте-тко унылу жалку писенку,
Я менять буду кручину на весельице!
И как посли́ меня, дородня до́бра мо́лодца,
И вы пои́дите, бурла́ки, на гуляньице,
И вы на тихии смиренныи беседушки,
И вы воспомните бессчастна до́бра мо́лодца
И во шестерочках, бурлакушка, веселыих!
И столько не́весто, дружье-братье, приятели,
Не могу да знать, уда́лой до́брой мо́лодец,

И мне-ка быть ли на родимой на сторонушке!»
И сговорит еще уда́лой до́брой мо́лодец:
«И супротив стоишь, родитель-родна матушка,
И хотя ж рушишь ты, горюша, горючи слезы,
И как посли меня, родитель жалосливая,
Буде сжалу́ешься до бессчасна до́бра мо́лодца!
И ты гляди, моя родитель-родна матушка,
На моих дружьев гляди да на приятелей,
И на любезныих гляди да поровечников!
И зазови моих любезных поровечников
Хоть на Владычной ты Господень Божий праздничек
И угости, моя родитель, их, употчивай,
Будто сво́его, родитель, да ты дитятка!»
И ты послушай же, спорядная суседушка:
И примечай его ласко́выи словечушка,
И прилагай слово к ретливому сердечушку,
И поплотнее ты ко зяблоей утробушке!

Та же соседка к рекруту:

И ты послушай, златокрылой наш ясен соко́л,
И да ты милой, спорядовой наш суседушко!
И не забыть буде победным нам головушкам,
Всё тебя да нам уда́ла до́бра мо́лодца!
И мы сберемся как, спорядныи суседушки,
И на сиди́му, на прядимую бесёдушку,
И хоть придут да твои милы поровечники,
Не забудем мы, печальныи головушки,
Всё тебя, да златокрыла я́сна со́кола,
И всё печальныих словечушек слезливыих
И всё обидныих наказов молодецкиих!
И скррзь обиду доброй молодец высказывал,
И скрозь злодийную кручину выговаривал,
И жаль-тошнёшенько победным нам головушкам,
И тебя, милую скачёную жемчужинку!
И поговорюшка была твоя учливая,
И разговорушки-то были чваковитыи,
И ты шутил да всё на ши́рокой на у́личке,
И не обидел ты ведь добрыих-то людушек,

И не груби́л да спорядовыих суседушек,
И не кливи́л да ты ведь малых этых детушек,
И шутя времечко у света проходило!
И сожалием мы, печальныи головушки,
И за твое да за велико доброумьице,
И за прелестны твои ла́сковы словечушка!
Вси жалиют многи до́бры тебя людушки,
Вси окольныи спорядныи суседушки,
И жалиют тебя малы недоросточки!
И за столом да сидит мо́лодец дубовыим
И хоть на стульицах, наш свет, да на кленовыих,
И молодецкой бу́йной го́ловой покачиват,
Он бессчастныма кудёркама потряхиват,
И он горючима слезамы обливается,
И великоей кручиной утирается,
И не в любимую дороженьку справляется,
И не по разуму извощички моло́дыи!
И не везите-тко, ступистыи лошадушки,
И вы бессчастного уда́ла до́бра мо́лодца
И ко злодийному ко городу Петровскому,
Ко принёмноей палате белокаменной!
И на пути да добры кони становитесь-ко,
Уж вы взад да со дорожки воротитесь-ко;
И возвратись, да наш спорядной ты суседушко,
И ты взад да на родимую сторонушку,
На утехушку ты нам — на доброумьице!

Та же соседка к матери:

И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты отпустишь как сердечно свое дитятко,
Ты к злодийному ко городу Петровскому,
И затопи, бедна, свещи́ да воску я́рова,
И ты Пречистой Пресвятой да Богородице,
И ты молись, бедна горюша, с горючмы слезмы,
Ты ведь Господа Бладыку все упрашивай,
И сохранил бы столько Господи, помиловал
И твое милое сердечно это дитятко
И все от этой грозной службы Государевой,

И от бессчастныих солдатушков походныих,
И возвратил бы он рожёно твое дитятко
Его в дом да во крестьянскую во жирушку,
Воскормителем победныим головушкам!
И ты послушай, спорядовая суседушка,
И што скажу да я, кручинная головушка:
И буде Господи его да не помилует,
От злодийноей от службы Государевой,
И да ты съидешь как ко городу Петровскому,
И про запас гляди, победна ты головушка,
И на сердечное печально свое дитятко;
И подли сядь да ты скачёноей жемчужинки;
И ты подумай при после́ди думу крепкую!
Потуряют-то судьи́ неправосудныи,
Потужают в путь-широ́кую дороженьку,
И сговорят столько судьи́ неправосудныи:
«Одевайся-тко, уда́лой до́брой мо́лодец,
Надевай-ко свое цветно это платьице,
Снаряжайся со хоромного строеньица,
Ты прощайся со родителью со матушкой,
И с суседами прощайся спорядовыма,
С своей милоей породой именитою,
С дружьём-братьицем прощайся, со прия́телям!»

Та же соседка к двоюродным сестрам рекрута:

Вы послушайте-тко, белыи лебедушки,
И да вы любушки-сестрицы сдвуродимыи!
И како ж было сердечное желаньице,
Все до вас было до белыих лебедушек,
И уласкал всегда скачена вас жемчужинка!
Как приходить стане Владычный Божий праздничек,
И говорить да стане братец-красно солнышко:
«И уж вы любушки-сестрицы сдвуродимыи,
И вы давайтесь у желанныих родителей
И вы к Владычному Господнему ко праздничку,
И во любимо во сердечно во гостибище;
И я свезу да вас там белыих лебедушек!»
И допреж сего, поры да этой времечки

Вы снаря́дитесь, лебедушки, скорёшенько,
И вы пойдите со братцем суровёшенько!
И любовались мы, спорядныи суседушки,
Как ходили вы, лебедки, по гуляньицам,
И утешались вы со братцем, взвеселялися;
И как цвело да на вас цве́тно это платьице,
И алили́ в косы́ а́лы у вас ленточки!
И вы воспомните-тко, белый лебедушки
И да вам летной был, голубушкам, повозничек,
И да вам зимной безответной был извощичек;
И да вы издили со братцем сдвуродимыим
И по гульбищечкам ведь вы да по прокладбищам,
По искат-горам вы издили высокиим,
Вы по этыим унылыим по свадебкам
И по тихиим смиренныим беседушкам,
И красовались вы сдово́льным бе́лым све́тушком!
И на добро́м коне́ была сбруя золочёная,
И на вас цветно было платьице покуплено,
И как пошиты были шубки соболиныи;
И тут снаря́дитесь с дово́льным бе́лым све́тушком,
И вы усадитесь во санки самокатныи;
И со сторонь да глядя́ до́бры эты людушки,
И все дивуются спорядныи суседушки,
И как вы и́дите с любимыим повозничком,
И взвеселяетесь путь-ши́рокой дороженькой,
И воспеваете унылы жа́лки пи́сенки!
И шутя времячко, голубки, провожали,
И за весельицем дорожку коротали
И вы со светушком со братцем сдвуродимыим,
И вы со милым соколочком златокрылыим!
И он заступушка вам был да заборонушка,
И он стоял по вас ведь, белыих лебедушках,
И он за вашу за бажёну волю вольную!
И вы воспомните, души́ да красны девушки,
И по разливноей его да вёсны красной,
И вы на трудноей крестьянскоей работушке,
И на чистыих полях да хлебородныих,
И на зеленыих лугах да сенокосныих,
И где роботушку со братцем работа́ли,

И заеди́но жалки писенки спевали!
И он ведь словечком-то вас да не огру́бил,
И он тяжелоей работой не огру́зил!
И были ла́сковы прелестны вам словечушка
И вам от эта соколочка златокрылого,
И вам от светушка от братца сдвуродимого!
И вы послушайте, коса́ты летны ла́стушки:
Как што сдиется над им да как што сбудется,
И хто возить да буде белыих лебедушек?
И вам не буде столько летного повозничка,
И да вам зимна безответного извощичка,
По гульбищечкам у вас да по прокладбищам
И впереди у вас не буде передовщичка!
Как сдиется над братцем я́сным со́колом,
И приотме́ните Бладычны Божьи празднички,
Приотложите смиренныи беседушки,
Вси унылыи слезливы эты свадебки!
И как поедут-то советны наши по́дружки,
И тут вы станете, печальныи головушки,
И вы похаживать по хоромному строеньицу,
И вы поглядывать в косевчато окошечко,
И вы посматривать на ши́року на у́личку,
И тут вы горькима слезами обливатися,
И тут великоей обидой отиратися!
И хоть отпу́стя вас, победных, на гуляньице,
И целый день пройде у вас, бедных, справляюца,
И вам повозничка, победным, дожидаюца!
И как посли́ да света-братца сдвуродимого,
И уж как эта соколочка златокрылого,
Не сугреват да вас сугревна ваша шу́бенка.
И не цветет да на вас цветно нынько платьице;
И все со этой со великой со кручинушки,
И со злодийноей великоей обидушки!
И добры людушки того да принабаются,
И вси суседушки того да насрекаются!
И как посли да света братца сдвуродимого,
Уж как эта соколо́чка златокрылого,
Уж вы по́йдете как, белыи лебедушки,
И вы на трудную крестьянску как роботушку,

И вспомятуете, победны, потоскуете;
Потоскуете, бессчастны, порасплачетесь;
И середи да тепло-красного ведь летушка
И жалобно́ да печё красно это солнышко,
И уныло́ да в саду птички возжупляют,
И оны причетью ведь пташки причитают!
И как у вас, да у печальныих головушек,
И унывать стане ретливое сердечушко
И ушибать стане великая обидушка:
И посли све́тушка ведь братца я́сна со́кола
И на лугах да вам ведь свет-от не объявится,
И на чисто́м поле ведь братец не покажется!
И тут вы сядите, обидны красны девушки,
И под ракитовой, горюши, этот кустышок,
И на катучий да вы сядите на камешок,
И думу думать да вы станете тут крепкую
И воскликать да света-братца сдвуродимого:
И как на эту бы пору́ да в это времячко
Приобъявился бы сдово́льной бе́лой све́тушко
И он во этом бы солдатском хоть во платьице,
И показался хоть на минутной бы часочик,
И поглядѝли бы во ясны мы во очушки,
И мы в печальное во блёклое во личушко!
Не устрашились бы, горюши, не споло́хались,
И мы спросили бы, победныи головушки,
Про бессчастно горегорькое живленьице,
И бесталанное солдатско похождение,
И мы досы́та ведь, победны, накормили бы
И сладкой водочкой его горе роздияли б!
И не увидите вы, белыи лебедушки,
Из-под кустышка, победны, сера заюшка,
Из-под камешка, горюши, горносталюшка!
И прибирайте-тко, душѝ да красны девушки,
И вы на го́рушках его да на высокиих,
И на гульбищечках его да на прокладбищах,
Из бурлаков прибирайте вы моло́дыих,
И вы по цветному, горюшицы, по платьицу,
Вы по бе́лу молодецкому по личушку,
Вы по ясным молодецким его очушкам,

И по желтыим завивныим кудёрышкам,
И по походочке бурлацкоей щебливой,
Поговорюшкой его да цвяковитой,
Вы по возрасту, горющицы, по во́лосу
И супроти́в своей скачёноей жемчужинки,
И супроти́в да света-братца сдвуродимого!
И мо́лча схва́титесь, голубушки, — наплачетесь,
Спамятуете, победны, — натоскуетесь;
И не подсядете к скачёноей жемчужинке,
И вы ко светушку ко братцу сдвуродимому!
И не поставьте в гнев вы, белыи лебедушки,
И што причитаю я, печальная головушка.
Я сама знаю, горюша, сама ведаю
И про злодийную великую обидушку,
И како́ да е со братцем расставаньице!
Как со светушкой я братцем расставалася,
И я навеки́ с ним, горюшица, прощалася,
И не надиюся, победная головушка,
Я дождаться своего да я́сна со́кола
Со злодийной этой службы Государевой!
И он во сня́х да мни, горюшице, не кажется,
И наяву́ мне-ка, горюше, не объявится,
И не на трудной мне крестьянскоей работушке,
И не у синего у славного Онегушка,
Не на тихиих, горюше, мне на заводях,
И не на пристанях, горюше, корабельныих!
И также вы, бедны кручинныи головушки,
И про запас да вы глядите на красно свое солнышко,
И вы на све́тушка на братца сдвуродимого!
И как у вашей у скачёноей жемчужинки
И подрезано ведь нынь да ретливо́ сердче́!
И наб пойти да со родимой со сторонушки,
Как со доброго хоромного строеньица,
И жаль расстаться-то бурлакушку, тошнёшенько
И роспроститься с родом-племенем скорёшенько!
И он горючима слезами омывается,
И ретливо́ сердче́ ведь кровью обливается;
И со злодийноей великоей кручинушки,
И цветно платьице по швам да росшивается;

И со этоей великоей обидушки
И роспоялися перстни́ его — жуко́венья
И на его да молодецких белых рученьках!
И хоть дружьё-братьё ведут его, приятели,
И хоть по до́брому ведут да по строеньицу,
И по светлоей ведут да его светлице,
И он не пьян, да с горя, мо́лодец, шатается!
И не дай Господи на сем да на белом свете
И как смотреть да на бессча́стных добрых молодцев,
И на горючий бурлацки смотреть слёзушки,
И на тоску да их глядеть ведь молодецкую!
И лучше на свет оны были б не споро́жены
И как бессчастныи сердечны эты детушки,
И бесталанныи солдаты новобранныи!
Как сегодняшним Господним Божьим де́нечком,
И все горит свеща теперечко туманится,
И Пресвята мать Богородица печалится
И сожалиет-то уда́ла до́бра мо́лодца,
И как бессчастного рекрутика молодого!
И ты садись ноньку, удалый добрый молодец,
И да ты милой спорядовой мой суседушко,
И ты во этот во почёстной во большой угол,
И ты на лавочку, наш свет, да на дубовую,
И ты под мило под косевчато окошечко,
И под туманную стекольчату околенку!
И вы глядите-тко, народ да люди добрыи:
И поскорёшеньку сестрицы подвигаются,
И как клонят да оны буйну свою голову
И как корят оны ретливое сердечушко,
И при после́ди-то теперь да поры-времечки,
И все ко светушку ко братцу я́сну со́колу,
И сожалиют оны братца сдвуродимого,
И расстаются с соколочком златокрылыим!
И говорит да им скачёная жемчужинка,
И скрозь слёзушки, победной, им наказыват:
«И как пойду да я во службу Государеву,
И вы летныи косаты мои ластушки,
Не забытые вы бессчастна до́бра мо́лодца,
Не забытые вы солдата горегорького!

И вы спроведайте у добрыих у людушек
И напишите скорописчатую грамотку,
И вы пошлите-тко на чу́жу на сторонушку
Ко бессчастному солдату горегорькому!»

Мать к суседям:

Вы послушайте, народ да люди добрыи,
И вси суседушки мои да спорядовыи!
Как утрось было с-по ранному по утрышку,
Как до ра́ннего пету́нья воспеваньица
И до уныла соловьиного жупляньица,
И красно солнышко в тумане выкаталось;
И добрый мо́лодец с кручинушки ставает
И со обиды резвы ножки обувает,
И со печали цветно платье надевает,
Горючмы слезмы личё да обмывает,
И сговорит да он, победной, таково слово,
И он мни, да все родимой своей матушке:
«И бласлови да на сесь день меня Господней
И ты, желанная родитель-моя матушка!»
И сговорит еще бессчастной доброй молодец
И он в обидушке, победной, таково слово:
«И я спал, да ведь бессчастной доброй молодец,
И, знать, последнюю Господню Божью ноченьку
И во своей да я во светлоей во светлице,
И на этой на тесовой на кроваточке,
И на своей да на пуховой на перинушке,
И на этом крутом складнеем зголовьице,
И я под теплым соболиным одеялышком!
И не сном-то коротал да я ведь темну эту ноченьку,
И думал думушку, бессчастный, во бессоньице,
И обливался я слезами во кручинушке,
И ретливо мое сердечко подмывало,
И бессчастная утроба обмирала,
И, знать, приходит та пора да это времечко,
И как последние часы да со минуточкой,
И как мне-кова, уда́лу до́бру молодцу,
И наб поехать со хоромного строеньица,

И разлучиться со родителью-со матушкой,
И порасстаться с родом-племенем любимыим,
И навек бросить да родиму эту сто́рону!
Ой, тошнёхонько, родитель жалосли́вая,
Мни, бессчастному уда́лу до́бру мо́лодцу!»
И не повирите, народ да люди добрыи:
И не в могутушку слезливыи словечушка,
И не по летушкам великая ознобушка!
Уж как мни, да ведь кокоше горегорькоей,
Вдруг как треснуло ретливое сердечушко,
И перелопала бессчастная утробушка,
И оттошна́ доли́т великая кручинушка
И на глазах слезы у беднушки не ставятся,
И невмоготу́ мни сесветное живленьице!

Суседка утешает мать рекрута:

И ты послушай, спорядовая суседушка,
И не давай тоски к ретливому сердечушку,
И береги да ты пристарше свое личушко!
И знаем-ведаем, кокоша горегорькая,
И не в спокое што ретливое сердечушко,
И про твою да мы великую незгодушку,
И про проклятую злодийную кручинушку!
И да ты сьезди-тко, кокоша горегорькая,
И ты в эту Божью церковь посвященную,
И ты ко этой Пресвятой да Богородице,
И помолись да ты Бладыке от желаньица!
И ты крест клади, горюша, по-писа́ному,
И ты поклон веди, победна, по-учёному:
И ты поставь свещу, горюшица, рублевую,
И пелену да положи ты ведь шёлко́вую,
Уж как этой Пресвятой да Богородице,
И ходателю Миколе многомилосливу;
И поклоняйся ты до матушки-сырой земли,
И ты с горючима слезами материнскима!
И ты проси да Пресвятую Богородицу,
И от желаньица проси да со усердием:
«И сохрани, да Пресвята мать Богородица,

И ты меня спаси, кокошу горегорькую,
И ты от этоей тоски неугасимоей,
И ты от этоей печали неудольноей!»
И, може, Господи Бладыко-Свет помилует,
И Пресвята мать Богородица заступится,
И сохранит да ведь Микола многомилосливой
Уж как милое рожёно твое дитятко
И во пути да во широкоей дороженьке,
И от злодийной этой службы Государевой,
И от этыих солдатов новобранныих,
И от этыих полков да ведь походныих!

К рекруту — суседка:

И ты послушай, спорядо́вой наш суседушко!
И за тебя да вси Бладыке мы помолимся,
И мы Пречистой Пресвятой да Богородице,
Штобы Господи Бладыко-Свет помиловал,
Дал бы Господи ведь доброго здоровьица
И ума-разума во буйну бы головушку,
И понятия в ретливо бы сердечушко,
И тебе мудрости в бурлацкую утробушку,
И за твое да за великое смиреньице,
И за твое да за велико доброумьице!
Ведь смиреньице у тя было со кротостью,
И всим челом да было низко поклоненьице;
Ты по уличке ходил да свет тихошенько
И ты головушку носил да понизёшеньку;
Поговорюшка была твоя ровнёшенька,
И сердечушко ведь было не спесивое,
И добрый молодец ты был да не гордливой!
И да ты старого суседа не огру́бил,
И да ты малого бладенца не обидел!
И быде со́йдешь ты во службу Государеву,
И спаси Господи уда́ла до́бра мо́лодца
И от побоев-то тебя да от тяжелыих,
И от страстей-властей тебя да страховитых!
И ты послушай, спорядовой мой суседушко,
И не поставь во гнев, сдово́льной бе́лой све́тушко,

Што пона́кажу, кручинная головушка,
И не шали́ да ты там, ди́тё, не сбалуйся-тко
Не упивайся во хмельны да там напиточки!
И может, даст да Господь службу нетяжелую,
И раскрое Бог науки вси великии,
И тебе да всё во службе Государевой!
И ты повыслужишь урёчны свои годышки,
И, може, судит Бог Бладыко многомилосливой,
И побывать да на родиму ты сторонушку,
И с родом-племенем, бессчастной, увидаешься!
И издалёка да ведь солдаты ворочаются,
И на великиих сраженьицах спасаются.
И еще слушай, спорядовой мой суседушко:
И как катучий этот камень не мохна́теет,
И так походной-то солдат да не богатеет!
И ты запро́дал бы любимую скотинушку,
И да ты взял бы золотой казны по на́добью!
И как во этой в грозной службе Государевой
И вы придержитесь, победны, притаскаетесь,
И там износится солдатско у вас платьице,
Вси притопчутся казенныи сапо́женьки;
И вы к начальству появиться не посмиете!
И вам ведь не́ нажить мундеров сукон серыих,
И вам ведь не́ обуть бессчастных своих ноженек!
И еще слушай-ко, спорядной наш суседушко:
И не могу да знать, кручинная головушка,
И увидаем ли, спорядные суседушки,
И мы тебя, да златокрыла я́сна со́кола,
И как на сем да мы, горюши, на беле́м свете!
И хоть чрез три да вы учётных этых годышка,
И хоть каку да ни е весточку послали бы,
И хоть три строчки вы, победны, написали бы,
И мы бы знали хоть, горюшицы, да ведали:
И вы в какой орды, бессчастны, во коей земли,
И в сухопутном ли вы, светы, похожденьице,
И у синя́ моря ль вы, све́ты, на сраженьице,
Аль на кру́том вы ведь, светушки, на бе́режку,
На желты́х песка́х стоите ль на сыпучиих!
И уже где да вы, победны, сохраняетесь,

И от злодиев-неприятелей спасаетесь,
И в раздольицах степях ли во великиих
Аль в долинушках, победныи, во дикиих?
И упиши́те нам, сдово́льны бе́лы све́тушки,
И у вас, мо́же, бессча́стных у солдатушков,
И золота казна на тот час не случается,
И хитромудры писаря будут призаняты,
Аль не будет у вас вольной столько волюшки.
И тут приде да как разливна красна веснушка,
Как повытают снежечки со чиста́ поля́,
И повынесе ледочки со синя́ моря́,
И будут ко́рабли в синем море шататися,
И вы на ко́раблях, бессчастныи, скитатися,
И там увидите да малу эту птиченьку,
И как ле́тит она в родиму вашу сторону,
И понизёшеньку вы птице поклонитесь-ко,
И пословечно перелётной накажите-тко,
И всё ко родушку теперь да вы ко племени,
И хоть по низкому поклону челобитному,
И со обиды об солдатскоем живленьице.
И мы глядить будем, кручинныи головушки,
И на печальну перелётну малу птиченьку,
И коя летит ниже облачка — низёшенько,
И она машет столько крылышком тихошенько,
И она го́лосом ведет да унылёшенько,
И она жа́лобно ведь, птичка, розговаривае,
И она бьет челом тут нам да покланя́ется,
И поросскаже тут печальным нам головушкам:
«И лечу, птиченька, с-за гор я с-за высокиих,
Из-за лесушков лечу, да с-за дремучиих,
И я со дальноей со чу́жей со сторонушки,
Из-за славного с-за синего с-за морюшка,
И мы ведь, летячи дорожкой, приустали
И в синем морюшке корабль да увидали,
И на спокой да мы на отдых становилися,
И мы на ка́рабли на мачты тут садилися,
И много у́жасно солдатов мы смотрели;
И как один столько солдатушко бессчастной,
И он по ка́раблю, солдатушко, похаживат,

И он печальну меня, птиченьку, высматриват:
„И ты откуль летишь ведь птича, куды путь держишь,
И на мою ль летишь родиму на сторонушку?
И ты лети да эта птиченька тихошенько,
И ты ведь сле́тишь на родиму мою родину,
И ты под сиверну холодную сторонушку,
И ты за славное за сине за Онегушко,
И увидать моих желанныих родителей
И всих спорядныих моих да ты суседушек!
И скажи низкое поклонно челобитьице
И от меня да от солдатушка бессчастного!"»

Та же соседка к братьям:

И вы послушайте, спорядныи суседушки,
Да вы ми́лы светушки́-братцы родимыи:
И не забытьте вы бессчастна до́бра мо́лодца,
И своего да светушка́-братца родимого!
И тяжела́ да ему служба доставается:
И на часах ему стоять да на всено́чныих,
И по зарям ему, бессчастну, по вечерниим,
И во полно́чь да под звезда́м-то под восточныим,
И студёноей, холо́дной этой зи́мушкой —
И на снежках стоять, победному, перистыих,
И на студёныих морозах-то на плящиих!
И как дрожит его ретливое сердечушко,
И от ветра́ да зя́бет блёкло его личушко!
И тут он скажет-то единое словечушко:
«Ой, бессчастны мы на свете уродилися,
И бесталанна бедна жизнь наша солдатская,
И горегорька наша служба Государская!»
Уж как вы, да светы-братьица родимыи,
И про злодийну эту службу не прознаете,
И на родимой вы сторонке оставаетесь,
И во своем да во хоромном во строеньице,
И на тесовыих своих да на кроваточках,
И на мягкиих пуховыих перинушках;
И не зябнут у вас. резвы эты ноженьки,
И не подви́е ветром блёклого ведь личушка!

И на медвя́ном да вы в доме уеданьице,
И на утехушках ведь вы да на забавушках!
И не забытьте ж вы бессчастна до́бра мо́лодца,
И своего да светушка-братца родимого!

Когда бриют лоб, мать вопит:

Быдьте прокляты злодии супостатыи!
Вергай скро́зь землю ты нехресть вся поганая!
И секите вы кудри поскоряя,
И точите вы бритвы повостряя,
И уж вы бри́йте его да побеляя!
Охти мни, да мне тошнёшенько!
И кабы мне да эта бритва навострёная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рождением надрыгатися!
И распорола бы я груди этой некрести,
И уж я выняла бы сердче тут со печенью,
И распластала бы я сердче на мелки́ куски,
И я нарыла бы корыто свиньям в ме́сиво;
А и печень я свиньям на уеданьице!

Когда забриют, соседка вопит:

Как сегодняшним Господним Божьим денечком,
Во бессчастный час, во злу эту минуточку
Уж как при́няли бурлакушков моло́дыих
Во принёмную палату белокаменну,
И их подбри́ли-то уда́лых до́брых мо́лодцев
И во злодийную во службу Государеву!
Тут им дали этых крепких караульщиков,
Да им дядьку становили-то со старшиим;
И тут сводили в Божью церковь посвященную,
И приводили их к присяге вековечноей;
И выше го́ловы кресты оны вздымали,
И свою сто́рону солдаты забывали,
И отца-матушку рекруты проклинали:
«И мы служить будем царю-богу российскому,

И мы стоять будем за веру христианскую;
И мы не сделаем измены в каменной Москвы,
И мы спасать будем Россею подселенную.
Мы оружьице держать да на право́м плече,
И саблю вострую держать да во право́й руке!»
И тут повыдали солдатикам моло́дыим,
Как моло́дыим солдатам новобранныим,
И не по ноженькам сапоженьки козловыи,
И не по плечушкам мондеры сукон серыих;
И на головушку им шляпы не пуховыи —
И да им киверы солдатскии пудовыи!
И тут сойму́т да молодецку вольну волюшку;
И тут повыдадут им ружьица тяжелыи,
Их отправят в путь-дорожку незнакомую:
И во поход сошлют удалых добрых молодцев
И как во эты города да не в бывалыи,
И дале-да́ле от родимой от сторонушки!
И оны по́йдут путем-ши́рокой дороженькой,
Хоть студёноей пойду́т да холодно́й зимой,
И как повыстанут на гору на высокую,
И оны брякнут тут оружьем завоенныим,
И оны топнут правой белой этой ноженькой,
И споют с горя унылу жалку писенку;
И оны стоячи на го́ры на высокоей,
И воспомя́нут-то родиму свою сто́рону:
«И ты прощай, наша родимая сторонушка,
И ты гульливая сторонка, щегольливая!»
Уже слушайте, солдатики моло́дыи,
Да вас со́шлют как на чу́жу на сторонушку,
И наб у буточки стоять да студёной зимой,
И на часах стоять, бессчастным, на всеночныих;
И от земли́ да зябут ре́звы ваши ноженьки,
И от оружьица зябут да ручки белыи,
И как от ветра подвеват да блёкло личенько,
И от морозушку сердечко порастрескает
И вы у буточки-то будете похаживать,
И сапог о́ сапог ведь вы да покола́чивать,
И с руки на́ руку ружье да перекидывать;
И глядеть да вы будете, бессчастныи,

И выше лесушка глядеть да по поднебесью!
И ты смотреть будешь, солдат, да на светёл месяц
И на э́ты часты́ звезды поднебесныи:
И поскорёшеньку ль светёл месяц закатится,
И часты звездочки в минуточку стеряются ль
И скоро ль свет да ясна зоренька просве́тится,
И распечет ли это красное ведь солнышко?
И обогреет ли солдатское сердечушко,
И приоттает ли бессчастная утробушка?
И тут воспомните родиму свою сто́рону,
И тут сгово́рите единое словечушко:
«И лучше были б мы, солдаты, не споро́жены;
И как родитель нас, бурлаков, попустила
И нас не участью-таланом наделила,
И злой бессчастной этой службой наградила!»
И не дай Господи на сём да на бело́м свете
Уже жить да в грозной службе Государевой:
Как еденьице солдатушкам — сухарики,
Как питемьице им — водушка со ржавушкой.
И вы послушайте, бессчастныи головушки!
И как вас со́шлют в безызвестную сторонушку,
Хоть за синее за славное за морюшко,
И как на э́тыих на черных бо́льших ко́раблях,
И буйны ветры в чистом поле развеваются,
И непомерная погода подымается,
И на синём море волна да сколыбается,
И как вода да со желтым песком смешается,
И черны ко́раблы ведь в море роскачаются,
И мачты о воду со брызгом ударяются!
И сговорят да тут дядьки им пристаршии:
«И вы идите-тко, матросики моло́дыи,
И не страшитесь-ко погоды непомерной,
И поднимайтесь вверх по мачтам по дубовыим,
И вы держитесь-ко за снасти за смолёныи,
И убирайте тонки бе́лы эты парусы!»
И тут сердечушко у вас да приужа́хнется;
И тут воспомните, бессчастныи солдатушки,
И вы желанныих своих да всё родителей;
И на молитвах оны да вспомянули бы,

И за матросов оны Бога помолили бы!
И столько невесто победным, невестимо!
И поставаете по мачтам по дубовыим,
И вы по этыим по сна́стям по смолёныим,
И с перепо́лоху-то сбы́дут белы рученьки
И тут падёте вы во синее во морюшко,
И во этую вы воду во глубокую!
И буде Господи вас Светушко помилует,
И спасет вас Пресвятая мать Богородица,
И на этом на большом да черном ко́рабле
И вас прибьет да там ко кру́тому ко бе́режку,
И хоть не к знамым к островам да не к бывалыим,
И може, буде вам, бессчастным, воля вольная
И как повытти-то на кру́той красной бе́режок!
И ты по бе́режку иди, бедной, тихошенько,
И ты гляди да выше лесу по подне́бесью,
И выше гор гляди, наш светушко, высокиих,
И вровень с облачкой гляди да ты ходячей,
И примечай да перелётну малу птиченьку!
И не гусе́й гляди, наш светушко, не ле́бедей:
И гуси-лебеди-то птиченька гордливая,
И на ричах да эта птиченька спесивая,
Высоко да она летит по подне́бесью,
И хоть поле́тит по родимой твоей родинке,
И на косевчато окошко не рассядется,
И про походныих солдатов не росскажется!
И ты гляди-смотри, сдовольной белой светушко,
И ты печальну перелётну малу птиченьку
И горегорькую кокошу из сыра́ бора́:
И та птиченька ведь е да не гордливая,
И на рича́х- басня́х она да не спесивая;
И ты пиши, свет, скорописчатую грамотку,
И ты со чужеей со дальноей сторонушки,
И ты со этыих полков да новобранныих,
И ты с-за синего с-за славного с-за морюшка,
И ты со бо́льшого со черного со корабля!
И упиши, наша скачёная жемчужинка,
И про бессчастну свою жизнь да про солдатскую,
И не пером пиши, наш свет, да лебединым,

И не черныма пиши да ты чернилами,
И ты письмо пиши, наш свет, да всё кручиною,
И запечатай ты его да ведь тоскичушкой!
И хоть ты выйдешь, свет, на кру́той этот бе́режок,
И увидашь да перелётну бедну птиченьку
И ты клади да ей под правое под крылышко,
Уж ты эту скорописчатую грамотку;
И мы по этой по разливной красной веснушке,
И мы ходить будем на ши́рокой на у́личке,
И мы глядить будем, горюши, по поднебесью,
И мы смотреть да перелётной малой птиченьки;
И как увидим мы кокошу перелётную,
И воскликать станем мы ма́лу эту птиченьку
И на отдо́х да на крылечико перёное,
И на рассказ да на косевчато окошечко:
«И ты иди, да перелётна, сюды, птиченька!
И ты откуль летишь, да куды путь держишь,
И со которой ты летишь да со сторонушки
И ты с-за славного ль с-за синего Онегушка,
Ты с-за этого ль океан-да синя морюшка?»
И тут птиченька ко зе́ни ведь приклонится,
И супротив дому она да приусядется,
И принесет да скорописчатую грамотку,
И тут смахнет да она правым этым крылышком,
И тут уронит скорописчатую грамотку
И супроти́в наших косевчатых окошечек!
И тут мы во́зьмем скорописчатую грамотку,
И мы сходим к писарям да хитромудрыим,
И рассмотри́м да скорописчатую грамотку:
Как тоской да е письмо ведь запечатано,
И с горючмы слезмы с кручинушкой написано;
И прочитаем мы, печальныи головушки,
И тут узнаем про бессчастного солдатушка,
И про злодийну бедну жизнь да про солдатскую!
И не поставь во гнев, скачёная жемчужинка,
Што понакажу, печальная головушка:
И как служить будешь во службе Государеве,
И ты писать да на родиму свою сторону,
И не уписывай, сдовольной белой светушко,

И нам ведь низкиих поклонов-челобитьицев,
И упиши, наша скачёная жемчужинка,
И про бессчастно горегорькое живленьице!

1 Иде т. е. едет.
2 Прииду см. приеду.

Причитанья Севернго края, собранные Е. В. Барсовым. Том 2. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.